

Януш Корчак

Воспитательные
моменты

Как любить
ребенка

Оставьте
меня детям
Педагогические
записи

ПРЕМЬЕРНЫЙ ПЕРЕВОД ТЕКСТОВ
ЯНУША КОРЧАКА

Бестселлеры воспитания

Януш Корчак

**Воспитательные моменты. Как
любить ребенка. Оставьте меня
детям (Педагогические записи)**

«АСТ»

УДК 37.01(438)
ББК 74.03

Корчак Я.

Воспитательные моменты. Как любить ребенка. Оставьте
меня детям (Педагогические записи) / Я. Корчак — «АСТ»,
— (Бестселлеры воспитания)

ISBN 978-5-17-097807-6

Януш Корчак – величайший педагог-новатор, замечательный писатель, и, что крайне важно, его книги не имеют градуса актуальности, привязанного ко времени, к конкретной эпохе. Книги Корчака будут читать учителя и родители, дети и подростки во все времена, ибо книги эти – синтетика трагедии и света, души и ума, а в совокупности – служения. Служения детям, служения детскому счастью. В текстах Я. Корчака нет готовых педагогических вердиктов, он верит, что читатель сам примет правильное и верное решение в трудном деле воспитания подрастающей личности. Отдельные работы педагога публикуются в России впервые.

УДК 37.01(438)

ББК 74.03

ISBN 978-5-17-097807-6

© Корчак Я.
© АСТ

Содержание

I. Воспитательные моменты	7
Вступительные замечания	7
I	9
II	13
III	17
IV	31
II. Как любить ребенка	51
Хочу научить понимать и любить	51
Ребенок не бывает твоим	52
Эта пылинка охватит мыслью все	53
Это общий ребенок, матери и отца, дедов и прадедов	54
Кем ему быть?	55
Разве любовь – услуга, за которую ты требуешь платы?	56
Мир отбирает его у матери	57
Ты хочешь скрыть от ребенка, что он красив?	58
Узы шаблона	59
Не путать понятия «хороший» и «удобный»	60
Дети плачут	61
Мечта о враче-друге	62
Не отрекайся от этих ночей	63
Мать заметила...	64
Шелуха от семечка	65
Смотри в оба все двадцать часов	66
Не хотят видеть очевидного и знать того, что знают	67
Кормить может каждая мать, у каждой достаточно молока	68
Нет совета, которого нельзя довести до абсурда	69
«Сколько раз в сутки кормить?»	70
Весы могут стать безошибочным советчиком	71
Пусть живой организм сам выбирает	72
Следует отличать науку о здоровье от торговли здоровьем	73
Разве мы можем изолировать ребенка от воздуха?	74
В новорожденном воплощена некая четко определенная индивидуальность	75
Память прошлых переживаний	76
Хорошее самочувствие	77
Мы играем, а он – изучает	78
Младенец мыслит	79
Крик и сосание	80
Это ученый в лаборатории	82
Конфликт двух потребностей	83
Кто вы, чудесная тайна, что несете?	84
Он понимает язык не слов, а мимики и интонаций	85
В каждом новом движении похож на пианиста	86
Что такое живой организм и что ему нужно	87
Право ребенка быть тем, что он есть	88
Свобода и вольность	89

Она еще грудь сосет, а я уже гадаю: каково ей будет рожать	90
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Януш Корчак
Воспитательные моменты. Как
любить ребенка. Оставьте меня
детям (Педагогические записи)

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат ООО «Издательство АСТ».

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

I. Воспитательные моменты

Вступительные замечания

I.

Главенствующее место в медицине занимает наука о распознавании. Студент обследует множество пациентов, учится смотреть и замечать симптомы, объяснять их, связывать и на этом основании делать выводы.

Если педагогика пожелает идти путем, проторенным медициной, она должна разработать воспитательную диагностику, опирающуюся на понимание симптомов.

То, чем служат для врача лихорадка, кашель, рвота, тем улыбка, слеза, румянец должны стать для воспитателя. Не существует симптомов, которые не имеют значения. Нужно все записывать и над всем размышлять, отбрасывать случайное, увязывать родственное, искать управляющие явлениями законы. Не то, как требовать и чего требовать от ребенка, не то, как наказывать и что запрещать, но искать, чего ребенку не хватает, чего у него в избытке, чего он требует и жаждет – и что может дать.

Интернат и школа – территория исследований, воспитательная клиника.

Почему один ученик, придя в класс, обойдет все углы, с каждым поговорит, а звонок с трудом загоняет его за парту?

Почему второй немедленно занимает свое место и неохотно покидает его во время перемены? Что они за люди, что школа должна им дать и что может требовать взамен?

Почему один, вызванный к доске, идет охотно, с поднятой головой и задорной улыбкой? Энергичным движением он вытирает доску, пишет большими буквами, сильно нажимая на мел.

Почему второй нехотя и лениво поднимается, откашливается, поправляет одежду и вялым шагом, уставившись в пол, тащится к доске, по приказу учителя вытирает ее и пишет маленькими бледными буквами?

Кто первым, а кто последним выбегает на перемены? Кто часто тянет руку вверх: знает, умеет, хочет ответить? А кто – редко, кто – никогда?

Если во время урока тихо, кто первый начинает шуметь, а кто в общем шуме хранит молчание?

Кто и почему занял это или другое место на первой или последней парте, рядом с этим, а не другим приятелем? Кто возвращается домой в одиночестве, а кто – парами или стайкой?

Кто часто меняет друзей, а кто – верный друг?

Почему не слышно смеха там, где он должен быть? Почему мы слышим взрыв веселья там, где ждали умиления? Сколько раз зевал класс на первом и сколько на последнем уроке? Почему у них отсутствует интерес?

Вместо возмущения тем, что все не так, как мы имели право ожидать, является объективное, исследовательское «Почему?», без которого не наберешься опыта, не научишься творить, не шагнешь вперед, без которого нет знания.

Эта брошюра вовсе не образец того, как надо проводить подобные исследования, она – документальное свидетельство, как трудно фотографировать словами то, что у тебя перед

глазами, насколько плодотворным может стать комментирование (пусть и ошибочное) того, что удалось заметить и сохранить, словно схваченное на лету: момент, индивидуальное проявление ученика или общее – коллектива.

II.

Учителя, кто получше, начинают вести дневники, но быстро бросают, потому что не знают техники ведения записей, не вынесли из института привычки протоколировать свою работу. Слишком много требуя от себя, они теряют веру в свои силы; слишком много требуя от своих заметок, они теряют веру в их ценность.

Одно меня радует, другое огорчает, беспокоит, гневит, досаждает. Что записывать, как записывать? Не научили.

Человек вырос из школярского дневничка, который прячет от папы под матрас, но этот дневничок не дорос до хроник, которыми можно обмениваться с коллегой, которые можно обсудить на собраниях и съездах. Возможно, человека учили записывать чужие лекции, чужие мысли, но не собственные.

Какие встретились тебе трудности и неожиданности, какие ошибки ты совершал, как исправлял их, горечь каких поражений изведаль, какими триумфами блистал? Сознательно извлекай урок из каждой неудачи, пусть она и другим послужит в помощь.

III.

Куда ты деваешь часы своей жизни, на что тратишь запас молодой энергии? Если был страстный огонь, а с годами его не стало, разве ты ничего не осветил, не выковал? Опыт? А из каких частей он состоит? Теперь уже не для науки, не для других, а для себя?

Ты не трудишься для отчизны, общества, будущего, если не трудишься для обогащения собственной души. Только умея брать, можно отдавать, только возвращая собственный дух, можно способствовать чьему-то росту. В заметках есть семена, из которых выросли леса и поля, там есть капли, сливающиеся в родник, – вот чем вскармливаю, спаиваю, радую, от палящего зноя укрываю.

По этим запискам подведешь ты итог жизни. Они – доказательство, что не растратил ты жизнь попусту. Жизнь всегда только кусочек дает, только частичку разрешает достичь. Я был молод – ничего не знал; седина в волосы – знания есть, а силенок уже не хватает. Из записок возведешь оборонительный щит перед своей совестью: что не столько, не так, как надо было...

I

Городская школа – первая глава

Заметка. Я ручку забыл...

Комментарий. И что делать? Должен ли учитель держать несколько запасных ручек, которые будет одалживать?

Кто часто забывает ручки? Записывать, кто и сколько раз забыл, а не это преувеличенное «вечно ты забываешь».

Может, спрашивать утром перед первым уроком: кто что забыл?

Заметка [пятиминутное наблюдение в последние четверть часа урока (арифметика)].

Болек потирает рукой подбородок, дергает себя за ухо, кивает, смотрит в окно, подпрыгивает на скамейке, меряет тетрадкой ширину парты, потом то же самое проделывает ладонью, листает страницы тетради, повисает на краю парты, замирает, согнувшись вперед, размахивает рукой, гладит парту, трясет головой, смотрит в окно (снег идет), грызет ногти, подсовывает руки под ягодицы, потом руками поправляет башмак, обмахивается тетрадкой, сует руки в карманы, потягивается, нетерпеливо ерзает по скамейке, потирает руки...

– Проше пани, можно, я пойду к доске?

Команда:

– Пишем!

Он хватает ручку, машет ею в воздухе, дует на нее и с размаху сует в чернильницу. Снова сильно ерзает по скамье.

– Проше пани, я-а-а-а... ой-ой-ой! – хлопает себя рукой по лбу, подскакивает на месте.

Команда:

– К 332 прибавить 332.

Мгновенно прибавил, оглянулся:

– А ты сделал? – и вполголоса: – Мы все быстр-р-ро делаем, как ветер-р-р... – прищелкнул языком и вздохнул...

Комментарий. Так защищается ребенок, так рассеивает нарастающую и распирающую его энергию, которая не находит выхода, так борется с самим собой, чтобы не мешать уроку, так вымалывает действие, выражает обиду, кидается на орудие труда, так, наконец, поэтичным сравнением бессознательно выражает скрытую тоску: «Как ветер-р-р!»

Наблюдай муки подвижного, легко возбудимого существа: как разумно он распоряжается своей энергией, чтобы, не вызывая неудовольствия учителя, дать ей выход в половинчатых, осмущенных движениях... Как же он намучается, прежде чем взорвется чем-нибудь таким, что вызовет замечание: «Сиди спокойно!» Как же «счастлив» апатичный, сонный ребенок!

Заметка. «Тихо!» – сколько раз в течение урока?

Комментарий. Может быть по-разному:

а) окрик учителя – лишнее, потому что неотвратимость наказания (читай – кулак) обеспечивает тишину;

б) можно часто, без уверенности и без результата, повторять «Тихо!»;

в) можно позволять шуметь – тогда прощай, ученье;

г) можно договориться с детьми.

Что мы имеем в итоге: полная тишина, относительная тишина.

Что прерывает тишину: вопрос, просьба, замечание, непрошенный ответ, смех, разговор с соседом – когда и в какой степени ты это позволяешь? Не в зависимости ли от настроения, и отдаешь ли ты себе в этом отчет? Если да, то ты должен облегчить понимание своим ученикам.

Заметка. Неуверенные ответы на простейшие вопросы, сдержанные и настороженные ответы.

Комментарий. Редко когда учитель не добавит чего-нибудь даже к правильному ответу ученика.

– Быстрее, медленнее, громче, еще раз, хорошо, дальше...

– И обе мальчики пошли...

– Не обе, а оба!

Не всегда ученик понимает: то ли он неправильно сосчитал, то ли неправильно выразился. Создается ощущение ошибки, ощущение неверного ответа. Насколько невыносима любая работа, а уж умственная работа и подавно невозможна, когда кто-то стоит над душой, и нудит, и мешает.

Бывает и так.

Учитель:

– Так сколько у него осталось фунтов?

Ученик:

– Пять!

Учитель:

– Развернутый ответ!

Ученик (наугад):

– Шесть!

Может быть, сначала дать закончить, а уж потом поправлять? Это важный вопрос.

Заметка.

– Колдуний не существует, – говорит учитель.

Збышек (тихий мальчик) после долгих размышлений шепотом говорит сам себе:

– А вот и нет, на свете есть колдуньи!

Комментарий. Как же часто авторитет семьи сталкивается с авторитетом школы! Иногда авторитет взрослых вынужден слегка стушеваться перед авторитетом дружка чуть постарше.

Заметка. Как нарастает шумливость на перемене после первого, второго, третьего урока: количество драк, ссор, ябедничества? Как нарастает беспокойство в классе, хотя бы по количеству замечаний, которые делаются всему классу или отдельным детям?

Комментарий. Велеть ребенку просидеть четыре часа на неудобной, не по росту скамье – такая же попытка, как приказывать ходить столько же часов в неудобной тесной обуви.

Заметка.

– Подождите, не пишите!

– Быстрее, тебя одного ждем!

Комментарий. «Быстрее», «Не так быстро!» – так учитель пытается привести всех детей в класс к одному уровню. Увы! И «быстрее», и «медленнее» не дают результатов, они зависают в воздухе, деморализуют детей.

Заметка.

Учитель:

– Ну, сколько?!

Ученик не знает.

Класс подсказывает:

– Сорок восемь.

Учитель:

– Так сколько же?!

Ученик молчит.

Комментарий. Прелюбопытнейшее явление. Почему учитель требует дать уже обещанный подсказкой ответ, почему ученик логично отказывается его давать? Какие ученики неохотно пользуются подсказками?

Заметка.

Учитель:

– Какая это книжка? (Хочет услышать прилагательные.)

Ученик:

– С картинками...

Что учитель делает в таком случае?

Заметка. Все уже рисуют, но Адашь только заканчивает приготовления к рисованию. Звонок. Все уже закончили работу, Адашь с неохотой от нее отрывается.

Заметка.

– Покажи свои рисунки.

Стеснительная улыбка – замялся, показывает с неохотой.

Комментарий. Замечал ли кто-нибудь, каким серьезным становится ребенок, когда рисует, как он увлеченно стремится к цели и как мучительно падает духом?

– А почему тут так нарисовано?

– Потому что это красиво, потому что мне так пришло в голову.

Янинка нарисовала что-то вроде раскидистого кактуса; на каждой колючке сидит птичка.

– А что это?

– А нас (в интернате) одна девочка так нарисовала.

Заметка. Тому, кто сидит возле балкона, холодно (дует).

Комментарий. Момент, рассеивающий внимание. Если в классе холодно, то легко одетые дети [ведут себя по-разному]: один замирает, костенеет в неизменной позе, а другой защищается от холода частой переменой позы (вертится).

Заметка. У него что-то во рту мешается – он часто дергает ртом, возможно, зуб качается.

Комментарий. Фактор, рассеивающий внимание.

Заметка. Сокровищница ученического кармана – пенал.

Комментарий. Учитель уже запретил приносить в школу мячики, кукол, магниты и увеличительные стекла. Но пенал-то можно приносить! Содержимое пенала тоже рассеивает внимание. Но ученик не слушает, потому что играет пеналом – или, скорее, играет пеналом, потому что не слушает?

Отдохнув в игре, насытив потребность отвлечься от урока, ученик быстрее вернется в спокойное состояние или дольше останется невнимательным? Или наоборот: возможно, лишенный пенала, он дольше пребудет в бездумной апатии?

II

Подготовительный и вступительный класс частного пансиона

Заметка. Дежурная вытирает доску. Малгося нарочно (назло) мажет доску мелом. Странно.

Комментарий. Иногда нас удивляет какой-то поступок ребенка. Если бы это сотворил А, то все понятно, но этот... И на этом основании мы начинаем сомневаться в ранее поставленном диагнозе. В нотации ребенку непременно будет: «Ну-ну... вот ты какой, значит? А я-то думал... Ошибся я в тебе... теперь-то...» – и так далее. Нас обижает и оскорбляет, что нас провели и разочаровали.

А иногда бывает, что в данном исключительном случае «Б» кому-то подражает: он один раз сказал или сделал то, что делают «другие». Малгося видела, как вчера или неделю назад кто-то другой дразнил дежурную, кто-то, кто ей импонирует, на кого она хотела бы быть похожа.

Заметка. «Девочки, прекратите болтать». Почему в школе такие замечания действуют на «хорошо воспитанных»? Наказание в виде доброжелательного замечания, нетерпеливого жеста, удивленного взгляда, наказание пожатием плеч... Наказание – ироническое замечание вместо розги, которая хлещет по ягодицам... слова, которые бичуют самолюбие. «Фу, как некрасиво... так не поступают»... Резкое замечание. «Резкое» – значит режет, ранит. Может быть, я случайно добрался до истоков важной проблемы.

Откуда растет эта кошмарная зависимость человека от мнения, оцепенение под угрозой оказаться в неловкой ситуации – вплоть до собачьего чутья к тому, что о нас подумает официант или гостиничный швейцар?

Заметка. Не знает урока – спрашивать ли?

Комментарий. Ребенок не выучил урок – немецкие слова. Вот бы сфотографировать его поведение! Взгляд тупой, покорная поза, тень улыбки, или гнев, бунт в нахмуренных бровях, или лживые покашливания, беззвучные движения губ (он знает, но забыл, знает, вот сейчас скажет, он знает, знает – почему же сразу «Не выучил!»). А учительница все задает вопросы. Это напоминает пытку, производит неприятное впечатление.

Заметка. Наряду с детьми, которые опаздывают, надо бы обсуждать и других, столь же неудобных для школы: которые приходят слишком рано.

Заметка. Кто любит сидеть за первой [партой], а кто – за последней?

Заметка.

– Олек, отдай ластик.

Олек ластик отдает, но кладет его не на парту, а соседу на голову. Это же скучно – положить ластик на стол.

Заметка.

– Опять не знаешь? А я столько раз повторяла. Тебе должно быть стыдно...

Комментарий. Ну что тут поделать – опять не знает. Вместо выговора – вопрос: почему?

Вот если бы врач говорил пациенту: «Тебе должно быть стыдно, выпил целый флакон лекарства, а до сих пор кашляешь (пульс плохой, стула нет)».

Заметка. В класс входит Владзя – кладет книжки на парту, и началось блуждание: к доске, к картинкам на стене, к учительскому столу, снова к доске, к своей парте, на последнюю парту, подтягивается на руках в проходе между партами, садится, энергично болтает ногами.

Входит Янка – подошла к окну, неподвижно застыла, смотрит в окно. Суматоха – двигают парты, она оборачивается, гнев на челе, никакого участия в общей кутерьме; потом резким движением – на свою парту.

(NB. Некоторые ученики так привязаны к своему месту, словно узник к камере.)

Заметка. Стася – наблюдение в течение восьми минут.

1. Подбегает к другой парте.
2. Встает на колени на свою скамейку.
3. Снова к другой (разговор шепотом).
4. К своей парте.
5. Разговаривает с соседкой, та выходит из-за парты, Стася – на ее место.
6. К учительскому столу.
7. Возвращается, в проходе подтягивается на руках, сильно наклоняется вперед.
8. Опираясь на скамью, разговаривает с двумя другими девочками, вполголоса, тихо.
9. Смех – разговор с группкой из пяти девочек.
10. Быстро бежит к четвертой парте с новостями.
11. Возвращается на место.
12. Возвращается – заглядывает в книжку соседки.

Заметка. «Не хотите думать – вот и не слушаете» (тон бессильного, безнадежного отчаяния).

Комментарий. В этой клетке вместе с учениками заперта и учительница, она не только принуждает, но и сама жертва принуждения, терзая, она и сама терзается. Может быть, когда-то она что-то пробовала, искала подходы. Если нет – сама не знала, не умела, так обстоятельства сложились. Могла ошибиться в выборе профессии. Кто виноват?

Заметка. Владзя тянет руку (мелькает мысль: не буду записывать, это портит мои готовые выводы).

Комментарий. С неохотой записываю, что Владзя – легкомысленная, вертихвостка – хочет отвечать. Почему?

Вот именно потому, что это противоречит моему отрицательному мнению о ней как об ученице, я должен был бы этот факт приветствовать и скрупулезно записать.

Владзя – такая, какой я хочу ее видеть, – не должна тянуть руку, она должна быть счастлива, что ее оставили в покое и не вынуждают отвечать. Вот именно, преступление мое в том, что я хочу, чтобы она была такой, какой я ее представил. Я же должен исследовать ее такую, какая она есть, я должен увидеть и заметить как можно больше, со всех сторон. Но я ленив, я хочу, чтобы Владзю было легко раскусить: прилепил ярлык – и готово. Вытянутая рука – это новое явление, оно требует пересмотра, нового усилия мысли, чтобы углубить свою оценку. Но у меня не хватает терпения – я спешу. Мгновенно ее «раскусив», уже бегу к другим, потруднее. Быстро отделяюсь от пациента на бегу брошенным диагнозом, потому что меня ждет

вереница других. Я самолюбив – боюсь своих ярлыков, может быть, именно потому, что они халатно обоснованы: склепанная наспех дешевка. Я не уверен, и потому боюсь, что вот это новое явление надорвет мимоходом прилепленный мной грошовый ярлык. Мне неприятно признавать, что я еле-еле читаю по складам, что мне приходится долго и внимательно всматриваться в буковки явлений, чтобы промямлить нечто осмысленное. Во мне сидит надутый авторитет, который «этого соплика» на лету раскусит, видит на три аршина вниз и даже глубже. Живет во мне развращенный бракодел, которого школа дрессировала, как увернуться от долга истинного познания человека.

Эта тянущаяся вверх ручка маленькой Владзи – протест живого существа, которое не позволяет так легко от него отделаться, не соглашается на ярлык и говорит: «Ты меня не знаешь!» А что я знаю про Владзю? Что она вертится? Учительница мимоходом бросила: «Лентяйка!» Мне это пришлось по вкусу, я и согласился. Но может, Владзя не лентяйка. Может, стоит отказаться от небрежного диагноза, признаться в ошибке – и в награду получить пару самокритичных замечаний. Легко возбудимая Владзя, возможно, способна живо заинтересоваться; может быть, она борется с предубеждением учительницы. Эта тянущаяся вверх рука может означать: а) «вот именно, что я знаю, я как раз не такая, за какую вы меня принимаете», или б) «если что-то меня всерьез заинтересует, тогда я знаю урок и хочу отвечать».

Может, на самом деле «лентяйка» сегодня утром решила исправиться и начать новую жизнь? После беседы с матерью, с подружкой? Помочь ли Владзе в ее усилиях или, запомнив это событие, только ждать, что будет дальше: завтра, через неделю?

Да, тут не замурзанная лапка приготовишки, а вопросы, на которые я не могу найти ответа.

Заметка. Беседа – мышь и т. д. (сразу – крыса, пчела и т. д.)

Комментарий. Нет книги, где обсуждалась бы техника ведения беседы с детьми (не наставления!). Может быть, мы потому не умеем с ними разговаривать, что нам это кажется легким. В моей памяти живы чудесные беседы в летнем лагере, вечерние – в интернате... кто их не знает, кто из воспитанников не помнит? Можно ли перенести их в школу?

Мышь – одолжили кота, чтобы мышей ловил; рассказ о драке кота с собакой; глядим, а у тети на подушке крыса; один раз в рыбе оказалась мышь; крысы плавают; а в купальне были рыбки; а еще есть золотые рыбки; когда на корабле плывешь, то в воде рыбок видно; а есть ядовитые цветы; папу один раз пчела укусила; а у бабушки есть ульи.

Задаю тему – сразу несколько человек хотят рассказать, одновременно. Один рассказывает мне, другой начинает рассказывать соседу – образуются группы. Кто-то начинает шуметь – сигнал расслабиться, все пропало. А до звонка осталось 10 минут – что делать? Если установить очередь (пусть записываются, чтобы взять слово) – стесняются, не привыкли к такому, и им почти нечего сказать.

Как уберечь от уничтожения такой любопытный и совершенно неисследованный язык ребячьего рассказа?

Пример – не из школы – из садика, рассказ пятилетнего Виктора.

– Где ты видел яблоки?

– Яблоки – я видел яблоки – такие маленькие – деревья большие такие – можно лежать и качаться – такой был пес – а тут одно яблоко упало – и он лежит и спит – мама идет – я хочу один пойти – а там стул – там пес – песик какой-то – укусил так – у него зубы ос-с-стрые – вот он спал, и пес его укусил – надо пёса побить, за то, что кусается – а там еще одна пани – у нее такие зубы – я забыл, как ее зовут, – а его Фокс зовут – он укусил и кр-р-ровь – он кость ел – Фокс, пошел, пошел вон! – а он так глаза вытаращил и укусил – кость бросил и укусил – я

тому пёсу яблоко бросил – как с дерева яблоко сорвал и бросил далеко-далеко – такое твердое яблоко – сладкое, как не знаю что, – а он только понюхал – а потом пришел солдат – шлёп пёса – шлёп – такой хороший – хороший – хороший...

Я записал, сколько мог, без стенографии.

Сравните: «ос-с-стрые, кр-р-ровь» Виктора и «ветер-р-р» Болека.

III Хелечка

Территория наблюдений – детский садик. Просторная комната, в углу пианино. Вдоль стен тростниковые плетеные креслица и столики на одного. В центре комнаты шесть столиков, у каждого – по четыре креслица. У дверей шкаф с игрушками и учебными пособиями Монтессори.

Герои наблюдений: Хелечка – три с половиной года, Юрек и Крыся – тоже трехлетки, Ханечка – пять лет, Нини – шесть лет.

Время наблюдения: по два-три часа в течение двух школьных дней.

Хелечка – самолюбивая, привыкла к восхищению, кокетничает, включая ум и обаяние; вместе со старшим братом это пара здоровых, живых детей, приковывающих взор и сердце.

Юрека я знаю по его семейным отношениям; если он и не законченный тиран, я все равно смотрю на него сквозь призму «предвзятых ярлыков»; у него «испорченная репутация»: он замахивался на мать кнутом, устроил скандал – петух.

Крыся – тут медицина «мутит воду». Не люблю, когда дети ее типа болеют корью и коклюшем. Хрупкие, серьезные, сосредоточенные – филигранные, в них есть что-то от мечты, задумчивости, печальных предчувствий, они пробуждают нежный страх и почтение. Я охотно прописываю им рыбий жир и целую ручки.

Ханечка – как ее описать? «У нее-то есть голова на плечах», «тертый калач», «ее на мякине не проведешь», «в бараний рог не свернешь» и «вокруг пальца не обведешь», «штучка», «тот еще жук» – она знает, что и в каких пределах разрешено. Хочется сказать, что в ней нет обаяния, но как-то язык не поворачивается, – можно предсказать, что она станет сильным и мужественным человеком.

Нини невозможно охарактеризовать. Я заметил в ней ту детскую скрытность, которая рождает недоверие. Она охотнее всего держится со своим братом-одногодком и детьми помладше.

Наблюдение я начал без программы, без плана, импульсивно – вот просто: «А что там малыши подделывают?»

Моя первая заметка – карандашом.

Хелечка (картинки)

– У него язык красный (про собаку). Почему?

Нини:

– Потому что это собачка.

– А у собачек красные языки? Иногда?

(Хелечка рассказывает про песика, который лаял, «хотя мы ему ничего не сделали».)

Крыся играет мячиком.

Нини:

– О, Крыся тоже играет (одной рукой).

То, что ребенок, разглядывая картинку, отдельно оценивает хвост, уши, язык и зубы – детали, которые не замечают взрослые, – мне было понятно. Мы не обращаем на детали внимания, потому что это картинки для детей, но в картинной галерее мы ведем себя точно так же. Если нас изумляет наблюдательность детей, то нас изумляет и то, что дети – люди, а не куклы.

Вопрос Хелечки, почему у собачек красные языки, себе я объясняю как желание поболтать все равно о чем с Нини, особой, которая стоит выше нее в общественной иерархии

(Хелечка болтает запанибрата с шестилетней!), а убедило меня в этом ни к селу, ни к городу сказанное Хелечкой «иногда?» Так невежда при встрече с интеллигентом, парвеню – с аристократом вставляют в речь не к месту и некстати какое-нибудь изысканное выражение, только чтобы показать: он тоже знает и может что-нибудь этакое.

Нини замечает, что Крыся «тоже» играет – словно она впервые видит, что Крыся играет.

Нини и мяч

– А я одной рукой – ты так умеешь?

Хелечка (быстро):

– Нет.

– Я даже вверх могу.

Крыся обменяла хороший мячик на плохой.

Нини:

– Хе-е-е, давай больше не будем меняться, ладно?

Крыся тискает плохой мячик, из которого вышел воздух...

Тут я зафиксировал два момента. Благородную правдивость Хелечки я отмечал уже неоднократно. Если ей случается солгать, то только из самолюбия – она может солгать, защищая свое достоинство. Ей неприятно признавать, что она чего-то не умеет, поэтому она быстро говорит, что одной рукой ловить мячик не умеет, но явно хочет сменить тему разговора.

Второй момент касается Нини. Крыся сменяла хороший мячик на плохой. Нини поскорее хватается мячик и смеется – у нее готово слететь с языка: «Глупая ты, из этого мячика выходит воздух, он испорченный, не прыгает!» И тут она соображает: лучше скрыть, какую выгодную сделку она провернула. Отсюда быстрое: «Давай больше не будем меняться!» Но это лишняя осторожность: Крыся очень довольна обменом: она экспериментирует дырявым мячиком, ей уже не хочется играть. Как Хелечка не соврала, тихо и быстро ответив, что не умеет ловить мячик одной рукой, так и Нини, собственно говоря, не обманула Крысю. Так стираются границы многих человеческих недостатков, достоинств, поступков и проступков.

На полу кубики

Нини:

– Я вам кораблик построю – о, печка, печка на корабле.

Хелечка:

– А ты умеешь такие кораблики строить?

Нини (не оборачиваясь):

– Умею.

(Крыся – Хелечка – поезд.)

Шестилетняя Нини, играя с малышами, обходится с ними свысока. Не себе, а им она строит. С этим Хелечка не хочет согласиться, не хочет признать авторитет Нини – задает бестактный вопрос и получает пренебрежительный ответ. Умеет ли Нини строить то, что умеет Хелечка? Нини даже не обернулась: ясное дело, умеет!

Нини рассказывает сказку о гадюках...

– Ну что, смешной конец?

Хелечка:

– Нет.

Дополню по памяти. Нини борется за свой авторитет: рассказывает сказку. О гадюках. Хелечка не знает, что такое гадюки, сказка ее не интересует. Нини предчувствует свое поражение.

ние, задает неосторожный вопрос, получает неприятный ответ. Тут я (правда, напрасно) задаю Нини пару вопросов о гадюках. «Гадюка – она такая, как нитка, и может съесть двести человек!» Хелечка хмуро глядит на Нини, отношения напряженные, атмосфера сгущается. Случайно встретились разные люди; после неискреннего разговора, вынужденного столкновения они разойдутся, чувствуя взаимную обиду.

Кубики – долго – замок

Хелечка:

– Вы умеете так строить? Так красиво?

[...]

Возвращаются к строительству. За короткое время Нини говорит 22 фразы, Хелечка – 14, Крыся – ни словечка.

Тут я вставил замечание, что в течение четверти часа непринужденной игры участвовали:

1. Картинки.
2. Мячик.
3. Кубики.
4. Сказка.
5. Кубики.

Ревность

Хелечка, все настойчивее:

– Красиво, а ты так умеешь?

Разрушает домик Нини.

– Я сама буду строить.

Нини:

– Я для Крыси буду строить.

(Шепчет Крысе на ухо.)

Крыся оборачивается, разрушает домик Хелечки.

(Пропуск.)

Я забыл упомянуть, что они строят, сидя на полу.

Борьба за Крысю, за эту маленькую, но спокойную, молчаливую, серьезную особу, которая вызывает удивление, когда берет [негодный] мячик. Я слежу за ходом драмы, затаив дыхание. Хелечка страдает, ее терзает обида, ее сердит Нини, она борется за Крысю, но предчувствует, что это напрасно – Крыся смотрит на то, что строит Нини. Месть: Хелечка разрушает домик Нини.

Нини и к этому пренебрежительно отнеслась: не годится ей развязывать войну со слабым противником; она только подчеркивает, что Крыся принадлежит ей.

Сколько же здесь осталось незаписанным! Дополняю по памяти: после безобразного поступка Хелечки Крыся слегка придвигается к Нини, спокойным взглядом встречает полный бунта взгляд Хелечки и поворачивается к Нини. Это длилось десятую, сотую долю секунды: Нини дает команду, Крыся быстро рукой сметает постройку Хелечки. Хелечка молчит: она чувствует себя виноватой, беззащитной перед Крысей.

Пропуск в моих заметках – это доказательство волнения, вихря чувств, которые эта сцена во мне вызвала. Потому что тут все от человека! Я не помню столь же сильных впечатлений со времен своих исследований младенцев.

Хелечка наладила отношения с Нини (как?)

Не знаю. Не помню. Я потерял ряд интересных моментов, и я бы сильно не доверял заметкам, в которых не было бы «пустых мест» и искренних признаний, что наблюдатель не помнит, не заметил, забыл.

Приходит Ханечка – к Нини, Юрек садится на стульчик Хелечки. Хелечка долго на него смотрит (я жду) – ничего!

Ханечка берет кубик из домика Хелечки – Хелечка долго смотрит.

– Ханечка, я тебя прошу, не бери у меня кубики.

Ханечка забирает кубики. Хелечка бьет ее кубиком по голове.

Хелечка последний кубик судорожно впихивает Юреку:

– На! На! На!

Юрек (мне):

– Этой девочке нечего строить – ей нечем строить.

Я (низким резким голосом):

– Что?

– Она у нее все забрала.

Хелечка смотрит на Юрека (Юрек – на Хелечку).

– Она, эта девочка, хорошая.

Ханечка выделяет восемь кубиков, Юрек добавляет свой девятый, Ханечка в азарте добавляет еще.

– Юрек, я ей все отдала, я уже все ей отдала.

(У меня на глазах слезы.)

Я начну с моего «Что?» – этого единственного слова, которое я сказал, – резкого, чужого и по духу, и по звучанию тому, что здесь происходило. Дети понимали друг друга, а я притворялся, что не понимаю; клетки моего мозга, голосовые связки, весь я со своим прошлым, где столько всего было, – все это было воплощением грязи и фальши по сравнению с чудесной мистерией звуков, неуловимых, серебряных тонов. Здесь нет места ученым рассуждениям, есть настроение, святая беседа чувств, которых наука не имеет права касаться. Рассуждать я буду, но тем самым самого себя же и ущемляю...

Юрек присел на стульчик у столика Хелечки. Хелечка смотрит на Юрека. Невозможно представить, что она мыслит, – она только чувствует. Ей жаль тех долгих минут, когда сидела за этим столиком, вдали от детей, глядя на них со стороны. Но это уже прошло и не вернется. Она покинула свое тихое гнездышко – сколько же она претерпела, – но уже не вернется. Теперь там уселся Юрек, тот самый Юрек, который ее толкнул пару дней тому назад. Хелечка его прощает, отдает ему свою тихую гавань, уютный домик. В ней есть печаль о том, что не вернется. У нее воруют кубики: она покорно просит, потому что знает, что жизнь обижает, что защититься она не сможет, а убежать – не хочет. Здесь суть не в словах, а в тихом и печальном голоске, выражении лица, позе. Ни одна актриса не сумеет так умолять о спасении, о снисхождении, о жалости. Насколько же гениальна природа, позволяющая трехлетнему ребенку быть таким воплощением мольбы. А слова? Такие простые: «Ханечка, я тебя прошу, не бери у меня кубики».

Ханечка-жизнь жалости не знает: грабит. Хелечка бьет ее по голове последним оставшимся у нее кубиком; она боится мести – в ее троекратном «На!», когда она впихивала Юреку в руки последний кубик, было столько драматической силы! Так, погибая в бою, солдат отдает свое знамя кому угодно, лишь бы не врагу. Юрек, пассивный свидетель этой сцены, взволнованным голосом обращается ко мне. Он просит помощи для девочки, у которой отобрали «все», которую обидели, а он, держа в руках ее последний кубик, не знает, что предпринять. Обращаясь ко мне, он дает знать Хелечке, что ей он сочувствует, а Ханечку осуждает. Ханечка поняла. Получив кубиком по голове, она только слегка потеряла место, где стало больно: она и не думала дать сдачи. Она провинилась – отдает кубики, отдает даже больше, чем взяла, и просит у Юрека прощения.

В записях я предпочел пропустить движения, жесты (ба, рискни-ка их описать), но я записывал слова, потому что они были чудесны своей простотой и сильны повторением. Здесь Хелечка трижды сказала «На!», отдавая Юреку кубик, два раза повторил Юрек, что Хелечка теперь не может строить, два раза Ханечка говорит, что отдала кубики. Мне представляется, что в драматических моментах и автор, и талантливый актер вызовут куда более сильный эффект повторением одного возгласа, чем длиннющей тирадой. «Мама! Мама!» – «Нет у меня дочери, больше нет дочери!» – «Я невиновна, я невиновна!» – это может подействовать очень сильно. Нужно обратить особое внимание на повторы у детей. Наверняка это очень частое явление!

Эта сцена пробудила во мне различные мысли:

1. В области чувств дети намного богаче нас, они чувствами мыслят.
2. Если я насилую себя, описывая эту сцену, то чем бы стало мое вмешательство в происходящее? «Ханечка, отбирать нехорошо, отдай. Хелечка, драться нехорошо, извинись».
3. Какая огромная школа жизни для детей – садик!

Хелечка:

– А ты умеешь так строить?

Нини:

– Мы с тобой не водимся.

Юрек хочет взять кубик, Хелечка его отталкивает, Юрек не протестует.

Хелечка:

– Я вам дам (кубики).

Нини:

– Не надо, не надо.

Ханечка:

– А я красивый замок построила.

Хелечка:

– Противный, противный.

(Пропуск).

Хелечка:

– А ты умеешь так строить?

Нет ответа.

(?) ты не нужна.

Хелечка (мне):

– Красиво я построила?

Я:

– Красиво.

Хелечка:

– А вы умеете?

Я:

– Умею.

Только сейчас, отверженная, обиженная, она заметила меня, обращается ко мне. Бедняга! Болтливость Нини Ханечке импонирует, но слегка раздражает.

Хелечка поправляет негодный мяч.

– Видите, как надо сделать.

Хелечка (Юреку):

– Дай мне коробку.

Юрек – защитный жест¹.

Я глажу его по лицу. Он не дается – отошел. Хелечка грабительским жестом забирает коробку, удирает, садится около меня.

(Пропуск).

Хелечка:

– Ты умеешь так строить?

Юрек:

– Нет – бз-з – вз-з-з – вз-з-з – вз-з-зы – биз-з-з.

Ну наконец-то – но в какой карикатурной форме – я не удивился бы, если бы она вздохнула.

Это заметки усталости. Я не прекращаю записывать, потому что это ценный материал, но я устал, до предела устал – вот и халтуру. В последний момент я вношу комментарий, потому что уже не доверяю памяти. Хелечка, которая так мечтала услышать, что они не умеют делать то, что умеет она, наконец достигла своей цели. Юрек не умеет! Юреку неприятно признаваться, что он не умеет, отсюда и это «бз-з-з – вз-з-з – вз-з-з» – это пренебрежение к проблеме, смена темы разговора. То же самое недавно сделала Хелечка.

Воспитательница:

– *À sa place!*²

Хелечка (Нини):

– А что такое *place*?

Хелечка обращается к Нини, не ко мне.

Молитва. Ханечка, Крыся тоже принимают участие. Хелечка подавлена, после молитвы она решительно говорит Юреку:

– Это мое место, это мое.

Юрек встает и пересаживается на свое место.

После маршировки Ханечка выживает Юрека из креслица, он снова покорно пересаживается на другое место.

Хелечка за столиком – стучит ногами по столику, стучит столиком об пол, бьет рукой по столику.

(Пропуск).

¹ Защитным жестом я называю такое движение, когда ребенок, не желая что-либо отдавать, поднимает руку с этим предметом вверх, прячет предмет за голову, наклоняя ее в сторону вытянутой руки.

² По местам! (*фр.*)

У Хелечки кубики – она вынимает один, слегка постукивает им по столу, движения сонные, голова лежит на руке. Она начинает строить ворота к замку Ханечки – у нее не получается, треугольный кубик падает с основания три, четыре раза. Хелечка убирает кубики в коробку.

Пропуски – это мое поражение. Я отвлекаюсь только на минутку, оставляю Хелечку возбужденной, одинокой. Нахожу – угнетенной и несчастной, но на столике лежит коробка с кубиками: когда она вынула ее из шкафа, как? Я ничего не знаю. Устав, я пропустил это.

Перечитал написанное. Плохо. Я все понимаю, но читатель поймет только после того, как пару раз внимательно перечитает текст. Таких читателей будет мало. Надо писать легче, доступнее.

Для наблюдения во второй день выбираю другой, новый метод. Сначала все записи вместе, потом последовательность событий, образующая рассказ, наконец – комментарий.

Для студента педагогической семинарии такой план:

1. Характеристика наблюдаемого ребенка.
2. Об условиях наблюдения:
 - а) план территории, на которой ведется наблюдение;
 - б) личные сведения: что это за работа, откуда студент знает ребенка, что он о ребенке знает, слышал, заметил, запомнил, прежде чем стал наблюдать;
 - с) психологическое состояние: студент занялся наблюдением охотно или случайно, здоров ли он, какое у него сейчас настроение и т. д.
3. Записи *in crudo*³ – с дополнением «Пропуск» (пробел в наблюдениях). Вопросительный знак в скобках в том месте, где автор не смог расшифровать собственные записи. Важно: сохранять сокращения.
4. Краткий рассказ о ходе событий.
5. Комментарий к запискам.
6. Личное – собственные переживания и размышления.

Мне кажется, что подсознательно именно этот план был у меня в основе замысла. Что-то вроде театральной критики, что-то от сочинения об известной пьесе. Неясности моей работы вытекают из того, что, читая сочинение о драме Шекспира или Софокла, я знаю Гамлета, Антигону, – а тут читатель не знает ни героиню – Хелечку, ни саму пьесу. Если я и оставляю в этой форме первый день наблюдений, то исключительно с целью дать пример бракованной работы, какой она не должна быть. Я не уверен, что второй день будет лучше.

(NB. Мешает мне и то, что я пишу не в день наблюдения, а через четыре дня; вторичные наблюдения я комментирую в субботу.)

2-й день наблюдений

Записи.

Хелечка даже не посмотрела на свой столик.

Крыся играет с Маней.

Хелечка что-то сказала Стасе – та в ответ молчит.

...Янка – прошло много времени.

...зевает.

...с Виком:

³ Необработанные (лат.).

– А мне восемь лет.

– А Владеку тоже восемь лет.

Вик идет проверить, Хелечка не уверена.

Хелечка:

– Владек, а тебе сколько лет?

Владек:

– Семь с половиной.

Крыся у столика старших детей. Хелечка к ней присматривается.

Молитва – маршировка.

Хелечка громко, провокационно:

– Ой, фартук – мамуся велела фартук.

Бежит. Переворачивает скамейку.

Громко – воспитательнице:

– Перевернулась...

Мне:

– Лямочки перевернулись.

Сейчас она некрасива.

Еще минута – она прекрасна, забыла о себе, долго трудится, чтобы застегнуть сзади пуговку на фартуке.

– Проше пани, помогите...

Когда хочет:

– Я сама, сама...

Перевернула фартук вперед, пальцем расширяет петельку.

– Застегните, пожалуйста.

Я протягиваю руку – она отступает, снова попытки. (Последнее усилие – совсем как у взрослых: а вдруг в последний момент получится? Последняя надежда.)

(Пропуск).

Я застегиваю: попробуй расстегнуть, это легче, – не хочу, – и к столику с буквами, к Крысе. Она учится уважать существенные заслуги.

Хелечка и буквы – мечты о могуществе, я у столика, она обращается к пани Н.

Копаются в буквах:

– Хорошо получилось?

– Нет!

(Восторги взрослых развращают детей до мозга костей!)

Мне:

– Правда же, я слово сложила?

– Нет.

– Ну, посмотрите же.

– Нет.

Перекладывает одну букву.

– Ну, посмотрите, посмотрите.

– Плохо.

Показать ей, как надо, она не позволяет.

Бросаю ей обидные слова:

– Ты слишком маленькая! (Потому что она меня сердит.)

Она уходит – показывает пани Н., что столик сломан, показывает куклу:

– Она некрасиво одета?

Перечисляет, во что одета кукла.

- А что у меня в кармане есть... А что у меня есть?
- Не знаю, откуда же мне знать... А ты знаешь, что у меня в кармане?
- А вот и знаю. (Заглядывает.)

К буквам:

- Ну, посмотрите же (к пани Н.), хорошо получилось?
- Нет.

(Это работа – она не хочет смириться.)

Пани Н. показывает, как складывать буквы, – не смотрит: она хочет волшебства, хочет царить, а не работать.

Спрашивает меня:

- А сейчас?
- Нет!

Снова идет к сломанному столику, показывает Янеку. С пани Н. – разговор.

Книжка с картинками – рассматривая ее, Хелечка мурлычет одну из песенок, которую разучивали в садике – «Полишинель».

- А вы можете кота нарисовать? А я могу.
- (Дома она может то, чего не могут взрослые.)

Она разговаривает с Тадеком, что-то ему не разрешает.

Ей скучно.

- Возьми кубики, строй домики, как Ханечка.
- Как Кры-ы-ыся?
- Нет, как Ханечка.
- Не хочу. Это легко. А вы можете сшить фартук?
- Нет.
- А я могу.
- Ты его даже застегнуть не можешь.
- Могу.
- Нет.
- Могу! (Раздражение.)
- А вы можете машинку нарисовать?
- Нет.
- А я могу. А кота?
- Могу.

Я даю ей карандаш и бумагу: рисуй.

- А я могу карандаш нарисовать.

Она рисует утку (на уровне своих трех лет). Я холодно, без энтузиазма признаю, что получилось хорошо.

- А вы умеете?
- Да.

Она удивленно смотрит, рисует.

- Ну и что это?
- Не знаю.
- Ну что это, у чего бывает столько ног?

Я рисую утку.

- А дайте мне бумагу, я мисочку нарисую.
- Рисуй на этом же листочке.
- У-у-у... – но рисует.

Вместо мисочки – девочка с корзинкой.

– Ты же должна была нарисовать мисочку.
– А красивая мисочка получилась?
– Спроси Крысю.
Разговор Крыси с Хелечкой короткий.
– И что Крыся сказала?
– А это красивая корзиночка?
– Некрасивая.
Я рисую: твоя корзиночка лучше или моя?
Пальцем показывает: эта (показывает на мою).

Мне ее жаль:

1. Восхищение.
2. Неприязнь – гнев.
3. Сочувствие.

Я объединяюсь с Хелечкой против Крыси. Хелечкой восхищаются, Крысю – обожают. Крыся старается быть первой в маршировке. Хелечка хочет взять нахрапом, Крыся ждет, пока у нее само получится.

Такие Крыси:

1. Неактивные, они не расходуют энергию.
2. Тихие – они везде прокрадутся, высмотрят, кто что делает лучше остальных, только долго смотрят.
3. Побеждают без борьбы – внезапным взрывом, одной атакой.

Хочу помочь Хелечке: научу ее.

– Дай мне мелок.

Она не знает, где мелок. Крыся знает и приносит. Я рисую на доске домик. Она тоже пробует – получается плохо. Рисует окошки в моем домике. Мимо проходит Ляля.

Хелечка:

– О, посмотри, красиво?

Ляля:

– Ты красиво рисуешь.

Хелечка:

– О, окошки, смотри.

Хелечка понимает, что произошло недоразумение, ей стыдно.

Она рисует деревья. Хочет вытереть доску не тряпочкой, а кусочком бумаги. Стирает рукой и смотрит на меня с вызывающей улыбкой.

Хелечка:

– Нарисуйте что-нибудь.

Я рисую человечка – она пририсовывает ему пальцы, поправляет свой рисунок.

Требуется нарисовать еще. Я рисую птицу.

Хелечка:

– Это птица или жаворонок. (Ждет восхищения тем, что она знает новое слово.)

Я на минутку подхожу к Крысе, которая клеит поделку. Тут же подходит Хелечка – тянет меня прочь (ревность).

Теряет мелок, долго ищет – находит. Мелок упал – сломался. Она удивленно смотрит, пишет кусочком мела на доске, потом нарочно швыряет мелок и смотрит (эксперимент).

Требуется новый рисунок. Я рисую цветок. Она его дополняет, «улучшает».

– А это что?

– Очки.

– Зачем?

– Чтобы лучше видеть.

– А это зачем?

– Это нужно, чтобы очки держались.

– Так можно гвоздиками.

– Гвоздиками будет больно.

Я снимаю очки и показываю ей. Она мажет меня мелом.

– Ты меня испачкаешь, Хелечка.

– А это новая одежда?

– Нет, старая.

– А у меня новая есть. Зося сшила.

– А кто это – Зося?

– Человек. С головой, с руками, с лицом...

– А почему на лице усы? Папа бреется.

[...]Я не могу, мне купить не на что.

Она советует сделать [деньги] из золота или из бумаги. По ее указке вырезаю из бумаги. Остается лист бумаги с двумя отверстиями. Она прижимает бумагу к лицу, пугает меня. (Ждет, чтобы я сказал: ой, я боюсь, ой, спрячусь.) А я молчу.

– Страшно?

– Нет.

Даю ей зеркальце, чтобы она сама посмотрела, страшно ли. Спрашиваю Крысю, страшно ли ей.

– Нет.

Хелечка что-то рисует на маске, чтобы было страшно.

– А сейчас страшно?

– Нет.

Она кривит личико, строит гримасы.

– А сейчас?

– Нет.

Я:

– А кто-нибудь этого испугался?

Молчит, не отвечает. Примеряет маску на меня, пробует на Крысю.

Завтрак.

Хелечка, громко:

– А я знаю, где моя бутылка (с молоком).

(NB. Крыся вместо «к» выговаривает «т» – этот дефект речи может в будущем сделать ее неразговорчивой, необщительной; гигиена воспитания должна об этом помнить, предотвращать подобное.)

(Не Хелечку я два дня наблюдал, а законы природы, человека.)

В садике только две малышки: Хелечка и Крыся. По нашему рецепту «Играйте вместе!», под принуждением, они бы так и играли, но, если их не трогать, они льнут скорее к детям постарше: это обещает им нечто большее, чем игру. Маня охотнее разговаривает, опекает малышей, и Маню притянула неразговорчивая, спокойная и серьезная Крыся. Хелечка пока

только ищет. Подходит к Стасе – плохой выбор, к Янеку – этот хороший: он всего неделя, как ходит в садик, еще «не раскрутился», стесняется, он мало кого знает, это выравнивает разницу в возрасте, и дети разговаривают. Но Хелечке не хватает терпения. Она заговаривает с Виком – неловко: сообщает ему возраст своего брата, но не уверена, правильно ли она сказала (8 лет), смутилась. Всю непосредственность чувств Хелечки, каждое ее действие сковывает и тормозит страх показаться смешной. Поэтому она не принимает участия в молитве, в маршировке, в гимнастике. Она страдает, но боится – что не умеет. Когда дети маршируют в такт музыке, она, желая обратить на себя внимание, неумеренно громко говорит о фартучке и... опрокидывает скамейку: конфуз. Она удивленно говорит об этом с вымученным смешком и быстро меняет тему разговора: заявляет мне, что перевернулись лямки фартучка (наизнанку). Она приводит рукава в порядок, надевает фартук; не может застегнуть. Я хочу ей помочь – она отказывается. Ей кажется, что мешает слишком узкая петелька (фартучек застегивается сзади). Она сама обращается с просьбой о помощи, но в последний момент вдруг отступает назад и снова пытается застегнуть фартук. Обращаясь за помощью второй раз, она не выпускает из рук пуговицы, пробует еще раз. Это невероятно частое явление не только у малышей, но и у детей постарше, и у взрослых. Когда студентом я работал в больнице, я был свидетелем такой сцены: коллега Х. хочет вырвать пациенту зуб, но не может. Он обращается к врачу, тот подходит. Студент не отдает щипцы – еще одна попытка, и зуб ломается.

Буквы наборного алфавита лежат в ячейках коробки, как литеры в кассе типографского наборщика. Утром они лежат разбросанные, их складывают дети, которые букв еще не знают: одинаковые к одинаковым. Крыся это умеет, Хелечка хочет работу заменить надувательством. Я догадываюсь: дома она что-нибудь накалякает на бумаге и говорит, что написала; поскольку взрослые поддакивают, что она пишет, Хелечка им верит. Что же странного в том, что, если трехлетке кажется, что так легко уметь читать (бормотать что-то под нос), рисовать, писать, то шестилетка неприязненно воспринимает необходимость усилия и труда. Хелечка назойливо, гневно требует признать, что она правильно сложила буквы; она не хочет, чтобы ей показали, объяснили, научили, помогли. Она хочет все сама! В ее непрекращающихся вопросах: «А вы умеете? А ты умеешь?» легко прочесть, что дома взрослые притворяются, что якобы не умеют того, что умеет она. Сколько же раз мы это видели, в скольких вариантах! Трехлетка спрыгивает со ступеньки: «Вот как я умею!»; дядюшка-весельчак притворяется, что не умеет, боится, падает, валяет дурака; ребенок смеется, толкает дядюшку, бросает ему вызов в ехидной, дрянной игре, издевательстве и надувательстве. Трехлетка что-то накалякал на бумаге: «Это лошадка!» Дядюшка изумлен: какая красивая лошадка, он так рисовать не умеет; пробует, берет карандаш, рисует неочиненным концом, потом карандаш выпадает у него из рук, бумага летит на пол.

Ребенок нетерпеливо объясняет, как надо, иногда может и ударить. Кабы дядюшка-весельчак знал, что ребенок смеется от возбуждения, потому что ему известно: игра закончится объятиями, поцелуями и подкидыванием; во-вторых, ребенок именно по этой причине и сердится, и возбуждается. Если бы понял дядюшка, что искрящийся весельем взгляд и неумный смех одного карапуза и наполовину удивленный, а наполовину разгневанный взгляд другого напоминают ему разнузданность в кабинете и сопротивление в будуаре, может быть, в будущем он стал бы осторожнее. Если то же самое делают няни, кто знает, не от веселых ли дядюшек переняли они эту манеру, потому что не из деревни, не из хаты они такое вынесли; потому что в хатах, насколько я видел, отношение к детям серьезное и полное достоинства. Гнев, который выразился в обидных словах, брошенных Хелечке: «Лучше брось это, ты еще маленькая», наверняка, собственно говоря, был адресован дядюшкам (и тетюшкам), которые не могут посмотреть на двухлетнего красивого ребенка без полусознательной или бессознательной мысли о том, какое это в свое время будет пикантное существо. Так эта зараза идет в

детскую, так калечат малышей, которые потом в садиках с болью выпрямляют искривленные души, но теряют доверие к взрослым и привязанность к дому.

«Нет!», «А вот и нет!», «А вот и знаю!», «А вот и умею!» – это тоже из репертуара веселых дядюшек. Дядюшка говорит: «А я тебя куплю у мамы!»; «У тебя глаза некрасивые!» – о, их изобретательность не знает границ! Ребенок говорит: «Неправда!» – «А вот и нет! Правда, мамуля, что нет?»

«А вот и да!», «А вот и нет!» – это называется «дразниться». Некоторые дети это ненавидят, некоторым нравятся такие шутки, где гнев, неприязнь, страх дают сильные ощущения.

Хелечка обещает нарисовать мисочку, но понимает, что нет ни капли сходства; поэтому пусть будет «девочка с корзинкой» – взрослые такие дураки, они же всему поверят. Два раза она сменила тему неприятного для нее разговора. Она честно признает, что нарисованная мной корзинка лучше, но, когда Ляля приняла нарисованный мной на доске домик за творчество Хелечки, Хелечке не хватает мужества прояснить возникшее недоразумение...

Интересен эпизод с мелком. Она не ожидала, что мелок сломается, упав на пол. Если стакан упадет, им больше нельзя пользоваться, и карандаш ломается. Мелок сломался – Хелечка осторожно пробует: мелок пишет, как раньше. Она бросает мелок еще раз: что из этого получится? Она уже знает это: знает на всю жизнь. Несколько дней назад Непослушная пробовала намочить мелок в воде и писать им. У каждого из нас в прошлом есть момент, когда человек задал себе вопрос, куда девается сахар, положенный в чай; если в ответ сказали, что он «растворяется», то к непонятному явлению просто добавили непонятное слово. Человек понимает, только экспериментируя с сахаром, с солью; я помню, как соленую воду выставлял на солнце, чтобы посмотреть, появится ли потом в баночке сухая соль; но соли я не дождался, и вопрос так и остался до конца не решенным. Ребенку нравится самому мешать ложечкой сахар в чае, но маме это не нравится, потому что стакан чаще всего опрокидывается.

Разговор про очки. Тут не только стеклышки, через которые человек лучше видит, тут еще и железяки какие-то – а это зачем? – если стеклышки не держатся, их можно прибить гвоздиками. Я отвечаю, что так нельзя, но не смеюсь при этом. Крепление стеклышек, через которые нужно смотреть, нашло разнообразные решения: монокль, бинокль, очки, лорнет; не так просто заметить уши, за которые можно зацепить дужки для очков. То, что трехлетняя Хелечка не знает, до чего додумались коллективными усилиями специалисты в течение столетий, – это не смешно. Но то, что я на сороковом году жизни благодаря вопросу Хелечки впервые над этим задумался, – это компрометация.

Издаваясь над тем, что ребенок чего-то не знает, ты убиваешь в нем желание узнать новое. Кто готов признаться, что он не читал «Фауста», не видел Рубенса, не знает, кто такой Песталоцци? Вот мы и читаем «на отвяжись», смотрим «на отвяжись», все знаем абы как; цивилизацию делают единицы, политику делают клики, а темная толпа, водимая за нос, готова умереть, лишь бы со стыдом не признаваться, что чего-то не знает, лишь бы над ней не смеялись. Кто смеется над трехлетним ребенком, потому что он хочет гвоздиками прибить стеклышки к глазам, – тот предатель, развратитель.

Хелечка не знает, как держатся на месте очки, но у нее новое платье. Вот до чего мы в конце концов договорились. Разговор о деньгах – золоте и бумагах – это обрывки реальных услышанных разговоров. Я вырезаю в листке бумаги два отверстия (деньги) по указке Хелечки. Хелечка замечает сходство листа с маской, которой добрый дядюшка любит пугать детей. Запу-

тавшись в финансовом разговоре, она хочет выпутаться, чтобы скрыть свое невежество. Надевает на лицо «маску» и пробует пугать меня и Крысю. У нее ничего не получается. Наверное, это плохая маска – надо скривиться. Не помогает.

Мне кажется, Хелечка начинает понимать, что дом шутит, играет, притворяется, лжет; что все совсем иначе, не так, как она полагала. Она боится, но ее притягивает эта новая, осмысленная жизнь, которая и усилие, и борьба, где ценится заслуга, а не очарование, где больше равнодушных взглядов, чем улыбок, где больше ловушек, чем услужливых рук. Дом не помогает ей, а мешает.

* * *

Получилось не то, что я хотел. Я хотел дать образец ученику педагогической семинарии, как записывать наблюдения и дополнять их комментариями. А написал образец для себя, как от мелкого подмеченного момента – детского вопроса – переходить к многогранным и общим проблемам. Вот доказательство, каким препятствием для независимого мышления бывают любые рамки, планы и указатели.

IV

Мне всегда казалось, что серьезным препятствием в рациональном воспитании отдельного ребенка является не всегда осознанная, а все-таки всегда присутствующая мысль, что «не стоит». Как у воспитателя многих десятков детей у меня обостренное чувство ответственности: каждое мое слово эхом отдается в сотне умов, за каждым действием следят сто пар настоящих глаз; если мне удастся растрогать или убедить, побудить к действию, то моя любовь, вера, энергия множатся стократно; всегда, даже когда разочаруют меня почти все дети, все равно: один, двое, не сегодня, так завтра, убедят меня, что они поняли, почувствовали, что они со мной. Воспитывая сотню детей, я не ведаю одиночества и не боюсь полного поражения. Когда я отдаю часы, дни, месяцы собственной жизни одному ребенку – что я делаю? Ценой собственной одной жизни я строю тоже лишь одну жизнь. Каждое мое самопожертвование вскармливает лишь одного. Мне легче победить досаду, усталость, плохое самочувствие, когда меня будет слушать сотня.

Встречая воспитательницу, которая ради одного-двоих детей покидала группу, иными словами, предпочитала место в частном доме приюта или интернату, я полагал, что нет у нее любви к своей профессии, что ее привлекли выгода, условия получше и работы поменьше.

Только две недели я провел со Стефаном, одиннадцатилетним мальчиком, и убедился, что наблюдение за одним ребенком дает столь же богатый материал, равную сумму тревог и радостей, такое же удовлетворение, как и наблюдение за множеством детей. В этом одном ребенке ты замечаешь намного больше, чувствуешь его тоньше и глубже продумываешь каждый факт.

Похоже, что усталый воспитатель группы детей имеет право, быть может, обязан, изменять своего рода севооборот труда: отойти на некоторое время от толпы в тишину и вновь вернуться к работе с толпой. Насколько я знаю, до сих пор так не делалось – были специалисты по индивидуальному или по групповому обучению и воспитанию.

Эти записи я вел в виде дневника – так я их и оставляю. Они могут иметь некоторую ценность как документ, несмотря на необычные условия, время и место.

NB. Я был ординатором полевого лазарета. В перерыве между военными действиями я взял к себе мальчика из приюта; он хотел учиться ремеслу, а при лазарете была столярная мастерская. Я провел с ним только две недели; я заболел и уехал, а мальчик еще какое-то время там находился; потом начались марш-броски, и денщик вернул его в приют.

* * *

Четверг, 8.1 II.1917 г.

Он уже у меня четвертый день. Я хотел вести записи с первого дня. К сожалению, с записями так всегда: больше всего материала для записей, когда нет времени. Это многих отвращает от работы. Жалко мне, что многие странные чувства и ощущения прошли бесследно. Я уже привык к присутствию мальчика.

Его зовут Стефан. Мать умерла, когда ему было 7 лет, он не помнит, как звали мать. Отец на войне, то ли в плену, то ли убит. Есть у него семнадцатилетний брат, живет в Тарнополе. Сначала Стефан жил с братом, потом у солдат, уже полгода в приюте. Приюты открывали городские управы, руководили приютами кто попадал. Правительство то разрешает учить, то запрещает. Это не интернат, а помойка, куда выкидываются дети, отбросы войны, печальные отходы дизентерии, сыпного тифа и холеры, которые уносят их родителей, ба! – только мате-

рей, потому что отцы сражаются за новый передел мира. Война – это не преступление, это триумфальный марш, пир дьяволов, уцелевших в пьяном свадебном разгуле.

Стоило мне спросить его, хочет ли он, чтобы я его взял, как я тут же пожалел об этом.

– Не сейчас, в понедельник я за тобой приеду. Спроси завтра брата, позволит ли он тебе. Посоветуйся, подумай.

Едем. Луна, снег. О чем он думает? Он с любопытством озирается вокруг: костел, вокзал, вагоны, мост. Лицо заурядное. Он вроде бы трудолюбивый, при госпитале есть столярная мастерская – отдам его в обучение Дудуку.

Экзамен. Как читать, он не забыл. Задача по арифметике.

– Сколько тебе на данный момент лет?

Чувствую, что он не понимает, что значит «на данный момент».

– На данный момент? Это когда кому-то время даешь?

Я не поправляю.

Он получил от брата 50 копеек, купил пирожки с повидлом, конфеты, у нас ел холодный зельц – шедевр Пласки, вечером у него разболелся живот. Боль в области слепой кишки. Плохо дело: я хотел, чтобы он ел из солдатского котла, пока не решится вопрос, останется он или нет. Я хотел, чтобы с самого начала у него был определенный распорядок дня.

Валентий вздыхает:

– И на кой это пану сдалось?

У Стефана врожденное чувство порядка: сделав уроки, он складывает книжки на край стола, ручку кладет около чернильницы. Повесил полотенце, один конец свесился ниже другого – он поправил.

– Ты зачем на 50 копеек накопил сластей?

– А на что мне деньги жалеть?

Это не его мнение, а какого-то его авторитета: Назарки или Климовича (Клим красиво рисует).

– Отец вернется, – говорю я ему.

– Вернется – хорошо, не вернется – тоже хорошо.

Это он тоже где-то слышал. Сколько глупостей я мог бы наговорить ему на эту тему! «Фу, как можно... про отца... и т. д.»

Его сейчас интересуют другие вопросы:

– А зачем эти ремешки у зеркала?

– Этот ремешок для мыла, этот для расчески, а тот для зубной щетки.

– А эта папиросница, когда была новая, у нее кожа тоже была потрескавшаяся?

– Да, она сделана под крокодиловую кожу.

Примечание для воспитателей. Когда приезжаешь в детский дом в роли воспитателя, пусть дети будут в твоей комнате, когда распаковываешь багаж, пусть они помогают развязывать корзины или сундук, вынимать и расставлять мелочи. Завяжется разговор про твои часы, перочинный ножик, несессер. Этот разговор быстро и естественно сближает тебя с ребенком. Ребенок таким же образом знакомится с ровесниками. Стоило бы подумать о том, как часто взрослые завязывают знакомства через детей и благодаря беседам о детях (в саду, на даче). Мальчики знакомятся благодаря мячу, девочки сближаются через кукол. Если сказать, что нехорошо все трогать, обо всем выспрашивать, дети сконфузятся, испытают чувство досады. Можно будет им это сказать через месяц, через три месяца, когда это будет касаться не тебя, а кого-то чужого. А вы-то уже знакомы.

– Сколько стоит эта папиросница?

– Наверное, рубля два или три. Не знаю, не помню, она у меня уже давно. О, видишь: замок испорчен, не защелкивается.

– А починить нельзя?

– Наверное, можно, но это мне не мешает, и так и этак папиросы не выпадут.

Я еще не воспитываю, я только наблюдаю и стараюсь не делать никаких замечаний, чтобы его не спугнуть. А ведь за эти четыре дня мне пришлось два раза делать ему замечания.

Первый раз. Во время урока, который я давал Стефану, вошел фельдшер. Я дежурил: больных привезли.

– Весь день к пану шлятся и шлятся, – нетерпеливо, повысив голос, говорит Стефан.

И тон, и выражение лица свидетельствуют, что это не его слова. Так, видно, говорила в приюте панна Лоня или кухарка.

– Не говори так, – прошу я мягко, после того как фельдшер вышел.

– Я чего, я читаю, а он лезет...

Его удивляет, что в лазарете 217 больных и раненых.

– Так вы, как дежурный врач, должны всех осматривать?

– Нет, я осматриваю только новых, чтобы какого-нибудь заразного больного не поместили к обычным больным.

– Правда, пятнуха (корь) – хворь заразная. Я когда с пятнухой слег, так задыхался, что говорить вообще ни капельки не мог. Тятя тогда мне велел керосин пить, так мне стало лучше. Тятя никогда к врачу не ходил. Он сам все знал, как лечить.

– Умный человек был твой тятя, – говорю я убежденно.

– Ясное дело, что умный, – кивает Стефан.

Меня так и подмывает задать вопрос, как же он мог сказать, что, если отец не вернется, тоже будет хорошо. Нет, для такого еще слишком рано...

Второе замечание.

– Слушай, Стефан, называй пана Валентия не «Валентий», а «пап Валентий».

– Я и говорю «пан Валентий»...

Эхо приюта: выкрутиться. Тут я сам виноват: теперь в разговоре со Стефаном я всегда говорю: «пан Валентий».

Вопрос важный, особенно в интернате для сирот. Сторож, судомойка, прачка обижаются на детей, когда они их называют по имени. В разговоре с детьми надо всегда говорить: «пан Войцех, панна Рузя, пани Скорупска».

Подтверждается то, что я говорил об интернате; болезнь в семье сближает. Недаром и родители, и дети охотно вспоминают – по крайней мере, хорошо помнят – пережитые болезни. В интернате же болезнь – ненужные хлопоты, она часто отдаляет людей друг от друга.

Сколько же я возился, чтобы он смог писать, лежа в постели! Пришлось вынуть из ящика все содержимое, поставить чернильницу в консервную банку, которую Валентий мне приспособил под пепельницу. Под ящик пришлось с одной стороны подложить подушку, с другой – книги. Он поблагодарил меня за это улыбкой. Подобную роскошь интернат не может себе позволить.

– Тебе удобно?

– Да, – и улыбка.

Стефан обустроился на этом столе: сбоку – книжки, в щели между досками ящика – карандаш, это чувство порядка у него врожденное. Новая ситуация, значит, он не копирует какие-то образцы, а действует сам.

Сейчас он сидит и переписывает из букваря стишок.

– Белую, белую, белую...

И заканчивает, напрягая мысль:

– Белую руба-, белую рубашеч-, рубашечку.

Вздыхает.

– Белую рубашечку... Дам ей в дорогу белую рубашечку.

И все-таки сделал тут ошибку – написал «белую».

– Видишь, вместо «белую» ты написал «белую».

Смущенно улыбается.

– Я еще раз перепишу.

– Лучше оставь, перепишешь после чая.

– Нет, сейчас.

И снова тишина, прерываемая лишь его сосредоточенным шепотом. Смотрит хмуро: и во второй раз он переписал с ошибками. В первый раз я пропустил, в виде поощрения, несколько ошибок, на сей раз – нет. Третьего дня вечером он плохо читал, и сам не знал почему.

– Потому что ты голодный, – сказал я тогда. Мне хотелось знать, помнит ли он это замечание.

– Как ты думаешь: почему сейчас у тебя получилось хуже?

– А потому что – один раз не получится, так потом еще хуже не получается.

И с отчаянием:

– Перепишу еще раз.

Даже покраснел, сжал кулаки. Я его поцеловал в голову – идиотский поцелуй, он чуть отодвинулся.

– Сиро-, сиротинушка убогая...

И как раз на самом опасном месте, где в прошлый раз Стефан пропустил целую строку, Валентий приносит чай.

– В дорогу... на дорогу дам ей... дам ей в дорогу.

Валентий кладет в стакан сахар. Стефан бросает на него беглый взгляд и пишет дальше.

– Нож нашелся, – сообщает Валентий.

Стефан посмотрел внимательно: нож? какой нож? – подпер голову руками, того и гляди, вырвется вопрос; но нет, искушение преодолено – Стефан опять сосредоточен.

Валентий улыбается, я записываю, быстро делаю набросок, интересный момент, Стефан ничего не замечает. И через минуту – с торжеством, полным надежды:

– Готово, проше пана, – и улыбка.

– Хорошо, только ты букву проглотил. Не хочешь ее поискать?

Он пьет чай, хмурит лоб, ищет пропущенную букву.

Жаль, что я не посмотрел на часы: сколько времени он писал?

Часы, часы! Сколько раз я себе это повторял – и всегда забываю.

Две мысли.

В течение долгих месяцев пребывания среди множества детей я ни разу не обратил внимания на улыбку – это слишком тонкое явление, слишком незначительное, ниже порога сознания. Лишь теперь я вижу, что это важное явление, достойное изучения.

Когда он спросил меня с напускной небрежностью: «А я смогу ездить на лошади?» – то тоже с подкупающей (?) улыбкой.

Я ответил уклончиво: ныне скользко, лошади плохо подкованы, может, летом.

Дети должны знать, что их улыбка нас обязывает.

Вторая мысль.

Переписывание для детей – не бессмысленное действие, напротив, оно требует даже больших усилий: не пропустить буквы, слова, целые строчки; дважды не написать одно и то же слово или строку; не сделать ошибку; вставить слова в строку, без переноса; чтобы буквы были равные по величине, на равном расстоянии. Кто знает, может быть, через переписывание ребенок полностью понимает читаемый текст? Ясное дело, что творческие умы скорее устанут от пассивного переписывания. Стефан во время переписывания походил на художника,

копирующего шедевр великого мастера. Несчастный учитель, который, исправляя каракули в сорока тетрадках, не увидел, не почувствовал всех этих коллективных усилий.

Для ребенка чтение – не только трудное складывание букв в слова, а еще и вереница неизвестных слов, грамматических сюрпризов. Вот он читает:

– Ябло-яб-ло-яблоки, яб-ло-ки (пауза, во время которой он постигает значение слова), – и быстро, плавно читает то же самое слово: – Яблочки.

То же и со стишком:

– Песнь (не верит своим глазам)... песнь...(про себя, вполголоса), песнь – это чего такое... польс-ку-ю... мне жа-во-рон-ки... – И громко заканчивает: – Песню польскую мне жаворонки пели!

Мы, акробаты беглого и плавного чтения, когда уже по двум буквам угадываем слова, а по двум словам – целое предложение, не можем осознать, с какими трудностями сражается ребенок и какие способы применяет, чтобы облегчить себе работу.

Третьего дня он четыре раза прочел в тексте «Франек» вместо «Фелек». Я не поправлял его. Когда он закончил читать, я спросил:

– Как этого мальчика звали?

– Франек.

– Ничего подобного.

– А вот и Франек.

– Спорим, что не Франек.

Читает:

– Фра-Фре-Фе-Фелек...

– Видишь, хорошо, что ты не поспорил со мной.

– Ну, хорошо...

– Наверное, у тебя есть знакомый Франек?

– Есть...

– А Фелек?

– Нету...

То же самое было на арифметике. Вместо «огурцы» он два раза прочел «груши».

– Пять груш, – сообщает он мне ответ.

– Как бы не так!

Замолкает, а спустя минуту решительно, с сердитой интонацией:

– А вот и пять.

– Пять, да не груш.

– А чего?

– Посмотри – узнаешь.

– Гру...гур... огур... огурцов!

– Вот видишь: слушай, Стефан, ты, часом, не волшебник? Из Фелеков делаешь Франеков, из огурцов – груши?

Он так мил в своем удивлении: что тут творится? как так получилось? – что я его целую. (Абсолютно лишнее – и когда я от этого отучусь?)

Его сердят непонятные слова.

Читает:

– У торговли девять яблок. Сколько яблок у нее останется, если четверо мальчиков возьмут по два яблока каждый?

И про себя, вполголоса:

– Какой еще каждый... – И вслух: – Одно яблоко.

– Две монеты... Монеты я уже знаю, что это такое, но я забыл.

В этой, казалось бы, нелогичная фразе есть, тем не менее, разумная основа: если он не знает, потому что забыл, можно ведь вспомнить.

На двадцатой или какой-то там задаче он предлагает:

– Я буду читать про себя и писать для вас, сколько получится.

– Хорошо, а я буду кивать, если правильно.

Не он первый делает мне подобное предложение. Не знаю, хочет ли ребенок таким образом внести разнообразие в свою работу, или в этом желании кроется другая основа: потребность в тишине при сосредоточенной работе.

* * *

Вечером

Прочитал молитву, поцеловал мне руку (эхо родного дома, разоренного войной гнезда, одного из ста, из тысячи, из многих тысяч). Я пишу. Он лежит тихо – глаза открыты.

– Проше пана, а правда это, что если побриться, то уже волосы не растут?

Он боится открыто называть лысину, чтобы меня не обидеть.

– Неправда, ведь бороду бреют, а она растет.

– У некоторых солдат бороды вот такие, до пояса, как у евреев. Почему?

– Да уж такой обычай. А англичане так даже усы бреют.

– А правда, что у немцев много евреев?

– И у немцев есть, и русские евреи есть, и евреи-поляки.

– Вот вы говорите «евреи-поляки»? А поляки – это евреи?

– Нет, поляки – католики, но кто говорит по-польски, хочет, чтобы поляку было хорошо, и желает полякам добра, то он тоже поляк.

– Моя мама была русинка, а отец поляк. А мальчики считаются по отцу. А вы знаете, где Подгайцы? Мой тятя оттуда родом.

– Сколько лет твоему тятю?

– Сорок два, а теперь сорок пять.

– Так тебя папа даже не узнает – так ты вырос.

– Не знаю, узнал бы я тятю.

– А фотографии у тебя нет?

– Куда там! А есть солдаты, что на него похожи.

Тихо. Вечер – это необыкновенно важное время для детей. Чаще всего – воспоминания, но часто и тихие рассуждения и спокойные, шепотом, беседы. Так было и в Доме сирот, так было и в летних лагерях.

– Вы пишете книжку?

– Да.

– Это вы сами написали мой букварь?

– Нет.

– Так вы его купили?

– Да.

– Верно, полтинник отдали?

– Нет, только 25 копеек.

Опять тишина. Закуриваю папиросу.

– Правда, что серой можно отравиться?

– Можно. А что?

Не понимаю, откуда взялся вопрос.

– Потому что были спички, когда они шли на маневры...

Отголосок уже стершегося из памяти рассказа отца о том, что какие-то сорта спичек лучше, – что-то, услышанное много лет назад: когда его отец был еще холостым и служил в армии, в суп попала сера, и солдаты отравились.

Я не понял. Стефан говорит сонным голосом, что-то невразумительно бормочет – уснул.

Как горячо я в детстве желал увидеть своего ангела-хранителя! Я притворялся спящим, а потом внезапно открывал глаза. Неудивительно, что он прятался. Вот и в Саксонском саду так же: думаешь, что поблизости нет охранника, а только выбежишь за мячом на газон, он тут как тут и уже издалека грозит пальцем. Мне было неприятно – моего ангела-хранителя зовут тоже как бы охранником.

* * *

Пятый день

Дудук хвалит Стефана: трудолюбивый парень. Когда я был в мастерской, он пилил доску. Я не мог спокойно смотреть: доска ездит во все стороны, тупая пила прыгает по доске – так он может легко поранить пальцы. Но я ничего не говорю. Бессмысленно предупреждать, чтобы он был осторожнее. И без того:

– Не выходи босиком во двор. Не пей сырой воды. Тебе не холодно, живот не болит?

Вот это-то и делает наших детей эгоистами, развращает их и оглушает.

Из мастерской он вернулся в шесть часов.

Не хочет ехать в воскресенье в Тарпополь.

– Зачем? Неделя прошла, и снова ехать? Пан Валентий тоже с нами поедет? Мы там долго будем?

Не хотел писать брату письмо.

– Я же с ним увижусь.

– А вдруг не застанешь его дома?

– Ну ладно, чего уж там, напишу...

– С чего начнешь письмо?

– Во славу Господа нашего, Иисуса Христа...

– А дальше?

– Откуда мне знать.

– Напишешь ему, что приболел?

– Нет!

Я еле удержался от иронического вопроса: «Как насчет пирожков с повидлом и зельца?»

Письмо короткое: «Я работаю в столярной мастерской, работа мне нравится, пан доктор учит меня читать и считать, можешь быть за меня спокойным».

– Как подпишешься?

– Стефан Загородник.

– А может, напишешь: «Сердечно тебя целую»?

– Не-е, не надо.

– Почему?

Шепотом:

– Мне стыдно.

Я предлагаю:

– Ты сам перепишешь начисто, или я тебе напишу на листочке, а ты уже с моего листка перепишешь?

Даю ему писчую бумагу и конверт. Два раза он пытался – не вышло. Сколько бумаги испортил. Ладно уж, завтра с моего листка перепишет.

Арифметические примеры мы с ним решали полтора часа без перерыва.

– Хватит уже?

– Нет, до конца страницы.

Кто знает, может, задачник – самый лучший сборник упражнений для чтения. Задачи, загадки, шарады, шуточные вопросы – ребенок не только должен, он сам хочет их понять. А впрочем, не знаю: может быть, раздвоение внимания нежелательно. Достаточно того, что на сегодняшнем уроке задачки вытеснили и заменили чтение.

– Сколько вы папирос курите, наверное, штук пятьдесят?

– Нет, двадцать.

– Курить вредно; один мальчик подул на бумагу, так бумага вся стала желтая. Когда в папиросе есть вата, она дым задерживает.

– А ты уже когда-нибудь курил?

– А почему бы и нет?

– В приюте?

– Не-е-е, когда с братом жил.

– А откуда брал?

– Ну, когда лежали на столе или на шкафу... А у вас от них кружится голова?

– Конечно, немножко кружится.

– А у меня сильно кружилась... я не хочу привыкать к курению.

Пауза.

– Правда, что, когда будет тепло, будем на лошадях ездить? (Для него это важно – помнит обещание.)

– Лучше, если бы мы не ездили, а оставались на месте.

– Нет, я подумал – в Тарнополь.

– Лошади боятся автомобилей.

– Ну так что, если даже лошадь немного и понесет...

– А если в сторону отскочит?

Я рассказываю, как под Ломжей лошадь чуть было не свалилась с высокой горы.

Стефан ложится в постель. Я завожу часы.

– Правда, есть часы, которые заводятся «в обе стороны»?

Я ему показываю, что и мои часы заводятся «в обе стороны».

Принимаюсь писать – приводить в порядок записи.

– Пан доктор, я вставил новое перо, а то прежнее царапало бумагу.

– Быстро же оно испортилось... ты чиркал им по столу, а от дерева кончик тупится.

Только сейчас, мимоходом, я обратил его внимание на то, что он что-то неправильно делал; я многократно убеждался, что сделанные так замечания куда действеннее.

Тишина...

– Почему вы, пан доктор, столько листков порвали?

Объясняю, что такое запись, сделанная наспех, а что – обработка записей.

– Например, я записал что-то о больном: кашель, температура. А потом, когда у меня есть время, я переписываю все как следует.

– Моя мама кашляла, харкала кровью – был цирюльник, сказал, что тут ничего уже не поделаешь. А потом мама ходили в больницу, пока не померла.

(Вздых, потом зевот. Вздых тут подражание; так принято – вздыхать, вспоминая умерших.)

* * *

Шестой день

Наспех выпил чай и помчался в мастерскую. Мелькнул на миг за обедом – вернулся в шесть.

Я начал очень интересный эксперимент: смотрю на часы, как долго он читает конкретный рассказ, и отмечаю, сколько сделал ошибок; я поправляю его не во время чтения, а только после того, как он закончит. Он читает два раза: первый раз – 4 минуты 35 пять секунд и восемь ошибок, второй раз – 3 минуты 50 секунд и только шесть ошибок.

Скандал из-за лошади. Мы играем в шашки. В приюте были мальчики, которые хорошо играли, с ним они не хотели играть. «Кому охота со мной играть, коли я не умею». Однако он набрался от них манер хорошего игрока, а именно: перед тем как переставить шашку, перебирает в воздухе пальцами, чтобы, как ястреб, ринуться на шашку противника; то он прицмокивает, то небрежно толкает шашку ногтем, с презрительным выражением лица и пренебрежительно надув губы. Эти манеры противно видеть даже у хорошего игрока, а уж тем более у игрока плохого, которому я иногда предлагаю ничью, чтобы подбодрить.

Играем, значит. И вдруг:

- Пожалуйста, поезжайте завтра поездом, а мы с паном Валентием поедем на лошади.
- Глупыш, ты что же, решил, что лошади для катанья? А впрочем, попроси полковника.
- А даст?
- Фигу даст.
- Ну, ваш ход.

Голос у него раздраженный. Начинает играть нечестно, решив выиграть любой ценой – отомстить.

- Э-э, куда поставили... Ну, скорее... Ишь, какой вы умный.

Я делаю вид, что не замечаю, но играю внимательно, чтобы все-таки выиграть – наказать его.

- Вот увидите, что проиграете.
- Это ты проиграешь, потому что играешь нечестно, – говорю я спокойно, но твердо.

Если свою волю подчинить воле ребенка, в отношения вкрадется презрение. Надо отстаивать свой авторитет фактами, без нотаций.

Фигур осталось немного. Я наношу ему болезненный удар: он теряет дамку.

- Не умею я играть дамками, – говорит он, смирившись.
- Ты и простыми шашками пока не научился хорошо играть, но научишься.

Когда я мыл руки, он поливал мне из кружки, подал полотенце, сказал, чтобы я пил чай, а то остынет. Не произнес ни единого слова, я высказал свою обиду, а он очень тактично и тонко попросил прощения за то, что чувствовал ко мне.

В этой ссоре из-за лошади, кроме гнева, было и пренебрежение. Откуда оно взялось, где его источник? Может быть, в моем: что ты хочешь – считать, читать, писать? Может, это его раздражает. Дети любят некоторую обязательность: это им облегчает борьбу с внутренним сопротивлением, экономит умственное усилие выбора. Решение – это изнурительный труд добровольных жертв при повышенной ответственности за результат. Приказ обязывает только внешне, свободный выбор – внутренне. Если ты оставляешь ребенку решающий голос, ты или глуп, потому что сам не знаешь, что делать, или ленив и не хочешь ничего делать.

Откуда это пока еще легкое облачко пренебрежения? Ему я даю бублики, сам ем черный хлеб. Уже два раза он уговаривал меня взять бублик, но себе взял получше, пропеченные:

никто его не учил лицемерию этих светских малюсеньких жертв, которые должны показывать готовность к существенным, большим жертвам.

Эта мелочь, этот пустяк, который я назвал скандалом из-за лошади, доказывает, что время его раскрепощения прошло, он осмелел, теперь я могу потихоньку начать его воспитывать. Собираю материал для этой беседы...

Вечером я осматриваю его грязную рубашку, и, понятное дело, – вошь.

– Что там такое? (В голосе беспокойство.)

– Вошка.

– Это потому, что в приюте простыни не меняли. Одеяла такие грязные.

– Ничего, наверное, их больше не будет. А почему не меняли простыни?

– Не знаю, видать, им стирать не хотелось.

Первый разговор о приюте.

– Санитаров не боятся, а солдата боятся. Нет, солдат тоже не бьет, потому что бить нельзя – воспитательница бы на него рассердилась. Иногда только солдат раскричится и даст ремнем, но бить не бьет.

– А тебе когда-нибудь попадало?

– А почему и нет, попадало...

Так это выглядит: не бьют, но бьют. И все-таки Стефан прав: не бьют, нельзя бить, солдат кричит, наверняка грозит, но редко, в исключительном случае, тайком ударит ремнем.

Раньше я посмеялся бы над этой, казалось бы, нелогичной речью. Я перестал смеяться примерно три года назад, когда Лейбусь сказал:

– Я очень люблю кататься на лодке.

– А ты когда-нибудь катался?

– Нет, никогда в жизни.

Самое большее, это ошибка речи, а не отсутствие логики: он уверен, что кататься на лодке приятно.

* * *

Седьмой день

У Чекова были гости – карты. Ужин запоздал. Валентий дежурил в столовой. Злой, выхожу около двенадцати часов. Возвращаюсь в избу, зажигаю лампу. Стефана нет. Какого черта? Выхожу, в дверях сталкиваюсь со Стефаном.

– Где ты был?

– На кухне. Я выходил, смотрел в окно, а вы сидите. А тут гляжу – вас нет. Я так мчался, чтобы вас догнать.

– Ты боялся?

– Да ну... чего мне бояться-то?

Нет, не боялся. Ждал, выглядывал, бежал – чтобы вместе. Два года я не видел никого из своих, полгода тому назад – письмо, короткое, жесткое, случайно прорвавшееся сквозь кордон штыков, цензоров и шпионов. И вот я опять не один.

Я испытал чувство безграничной благодарности к этому ребенку. Ничего в нем нет выдающегося, ничего, что бы привлекало, приковывало внимание. Заурядная физиономия, в фигуре ничего особенного, ум посредственный, мало воображения, полное отсутствие чувствительности – ничего из того, что украшает детей. Но в этом заурядном ребенке, как в неприглядном кустике, говорит природа, ее извечные законы, Бог. Спасибо тебе, что ты именно такой – заурядный, так себе...

«Сыночек мой», – подумал я сентиментально.

Как поблагодарить его?

– Послушай, Стефан, когда у тебя есть вопросы, или какие-нибудь горести, или тебе чего-то хочется, – скажи мне.

– Не люблю я приставать.

Я объясняю, что это вовсе не так.

– Если нельзя, то я тебе скажу, что нельзя, объясню. Например, с лошадью; на лошадях возят дрова, хлеб, больных...

– Я хочу, чтобы вы мне бубликов принесли.

– Ладно, будут тебе бублики.

Как раз сегодня кончился запас, который я хранил, если понадобится диета.

Мы поехали в Тарнополь на санях. Стефан какой-то грустный. Ни одного из тех детских восклицаний, которые заставляют нас обращать внимание на то, чего мы уже не замечаем, и вспоминать то, что мы когда-то так четко видели.

Стефан должен был идти с Валентием в костел, потом Стефан должен был идти к брату, а Валентий – за покупками. Мне надо было поискать окулиста, который будто бы был в каком-то военном госпитале. Встретимся в приюте. По дороге Стефан несколько раз меняет планы: сначала он пойдет в приют... нет, сначала к брату... нет – он хочет идти с Валентием.

В приюте его подозвала воспитательница: он стал каким-то странно тупым, бесцветным, отвечает на вопросы тихим, апатичным голосом. Только когда мы вышли, я понял, почему он не хотел ехать в Тарнополь, почему нервничал в дороге, почему так скоро сказал «Ну идем же», когда я вышел из комнаты воспитательницы.

Стефан боялся, что я его там оставлю.

Нужно купить чайник.

– Я пойду с паном Валентием, я знаю, где можно купить.

Вынимаю кошелек.

– Ох, Валеку (не пану Валентию!) дадут десять рублей, и мы себе купим пирожных...

Этот его задорный тон говорит: «Вовсе я не боялся, я знал, что вы меня тут не оставите...»

Странно, с какой неохотой он говорит о брате. Не знаю, почему. Он не хочет, чтобы я встретился с братом: что это означает?

Читает – закончил.

– Сколько я сделал ошибок?

– Угадай.

– Пять.

– Нет, только четыре.

– Это на две меньше, чем в первый раз.

Прочел неправильно, но сразу исправился, сам.

– Вы эту ошибку тоже считаете?

Один и тот же стишок в первый раз он читал 20 секунд, во второй раз – 15 секунд, в третий – тоже 15.

– А быстрее его нельзя прочесть?

Старается читать быстро:

– Страхушка, ста-старушка...

И быстро переворачивает страницу, чтобы не терять время.

Стихотворение «Висла» вчера он читал три раза, сегодня – четыре раза; результат чрезвычайно любопытен.

Вчера: 20 секунд, 15 секунд, 11 секунд.

Сегодня: 11 секунд, 10 секунд, 7 секунд, 6 секунд.

Стихотворение «Сиротка» – то же самое.

Вчера: 20 секунд, 15 секунд, 15 секунд.

Сегодня: 15 секунд, 12 секунд, 10 секунд.

Достижения вчерашнего третьего чтения полностью сохранились.

Записываю в виде дроби: числитель – число секунд, знаменатель – число ошибок. Итак, 24/3: двадцать четыре секунды, три ошибки. Исходя из этого, я оцениваю время работы и ее качество и могу отказаться от выставления отметок по чтению.

Читая, Стефан споткнулся на слове «песенка» – потерял много времени и прервал чтение.

– Э-э-э, это получится долго.

Валентий заметил:

– Чисто лошадь: споткнется и не может сдвинуться с места.

Я позволил Стефану начать заново.

* * *

Восьмой день

Вчера я писал: детские высказывания, которые заставляют нас вновь увидеть то, чего мы больше не замечаем. Вот несколько примеров.

– Во, гляньте только, какая печать на чае.

(Когда он положил сахар в чай, на поверхность всплыли пузырьки воздуха.)

– Сколько кусочков сахара вы клали?

– Один.

– А вон, посмотрите, их два.

(Стакан граненый...)

Ест бублик.

– А из чего мак делают?

Я:

– Мак растет.

– А почему он черный?

Я:

– Потому что созревший.

– Правда, ведь внутри у него комнатки, и в каждой такой комнатке понемножку мака?

Я:

– Угу.

– А со всего сада наберется целая тарелка мака?

Его понятие о саде состоит из четырех-пяти представлений, мое – из сотни, из тысячи. Это так ясно, и все же только благодаря этому его вопросу я над этим задумался. Здесь кроется причина многих внешне нелогичных детских вопросов. Поэтому нам так трудно найти общий язык с детьми – они, употребляя те же слова, что и мы, вкладывают в них совсем иное содержание. Мои понятия «сад, отец, смерть» – это не его «сад, отец, смерть».

Отец-врач показывает пулю, которую он вынул у раненого во время операции.

– Тебя, папочка, такой же пулей убьют? – спрашивает восьмилетняя дочурка.

Деревня и город тоже не могут понять друг друга, как хозяин и раб, сытый и голодный, молодой и старый и, быть может, мужчина и женщина. Мы только притворяемся, что понимаем друг друга.

Стефан всю неделю равнодушно смотрел, как его ровесники съезжают на санках с разных горок и пригорков. Такое сильное искушение: ведь сам он работает у столяра. Еще до обеда он с Дудуком делал кровати для больных, а вечером явился с санками.

– Я только два раза прокачусь.

– Два, а не три? – недоверчиво спрашиваю я.

Улыбается, помчался. Его долго не было. В избе было пусто и тихо; для меня остается тайной, почему Валентий, который все еще брюзжит, что, мол, не было у бабы хлопот – купила порося, два раза порывался звать его домой: может, и ему стали необходимы мои вечерние занятия со Стефаном?

Вернулся, сел – ждет.

– Санки хорошие?

– Не объезженные еще.

Я задал безразличный вопрос, ничем не выдав, что всей душой на его стороне, что полностью прощаю ему опоздание – не ему, а этому румянцу спокойного здорового возбуждения. И он понял и хотел воспользоваться: протянул руку к шашкам, глядя на меня вопросительно.

– Нет, сынок.

Без тени протеста, наоборот, с удовольствием он берет книжку. У меня создалось впечатление, что, уступи я, ему было бы неприятно.

– Но без часов, – говорит он быстро.

– Почему?

– С часами кажется, что кто-то стоит над душой и погоняет.

Читает. Так он еще не читал. Это было вдохновение. Я удивлен – ушам своим не верю. Он не читает, а скользит по книге, как на санках, преодолевая стократным усилием воли препятствия. Весь неизрасходованный азарт спорта он переносит на учебу. Теперь я уверен, что поправлять ошибки при чтении – бессмыслица, он меня не видит и не должен видеть – он один на один со своей стремительной волей.

Беру ручку – записываю.

Ошибки, порожденные желанием победить текст, понять содержание.

Читает «оба девочки» вместо «обе девочки». Читает «хлеб водится» вместо «хлеб родится». Читает «дал знак» вместо «дал знать». Читает «Хануся» вместо «Ануся» (сравни: «Фелек» и «Франек»).

Читает:

– «Врач дал знак бабушке, чтобы она детей умыла» (вместо «увела»).

Борьба за содержание.

– В больной книжке... нет – в большой книжке, когда вымучил стихи – а-а-а! – когда выучил стихи.

Ошибки, ибо мысль мутит взор.

Текст: «Дети с бабушкой упали на колени... со слезами взывали они: “Боже, Боже, сохрани жизнь нашей любимой маме. Заступись за нас, Пресвятая Дева Мария. Сделай так, чтобы наша мама выздоровела”».

– Потом бабушка упала детей спать (вместо «бабушка уложила»).

Текст:

«В эту пору мать обычно готовила обед. За обедом собиралась вся семья. На почетных местах сидели согбенные старички: дедуля и бабуля Яся».

– Дедуля некому... (вместо «некогда»).

Чудачества правописания: ведь говорится «бес рубашки», «фстал», «сонце», «карова», «ищо», так почему же пишется «без рубашки», «встал», «солнце», «корова», «еще»?

Если ребенок этого не скажет, по голосу и выражению лица, по паузе в чтении, по его вниманию к странным буквам можно понять, что это его удивляет, а порой раздражает...

Если не тормозить ребенка при чтении постоянными исправлениями и объяснениями, можно делать интересные наблюдения:

Стефан читает: «про-прове-провесить». Я поправляю: «провести». Он повторяет: «провесить» – и читает дальше, он не слышал, что я сказал, занятый работой, погруженный в труд чтения.

Дети не любят, чтобы их прерывали, им это мешает. Стефан читает: «на карниз». Заметив, что я хочу объяснить, он, опережая меня, быстро говорит: «Я знаю, что такое карниз» – и читает дальше...

Трудности: составление слов, непонятные слова, странности правописания, незнакомые грамматические формы.

Стефан читает: «скучает по мальчику» – и говорит про себя: «скучает за мальчиком», и опять вслух: «дал ему вишен». Когда он закончил чтение, я хотел проверить, понял ли он текст, и спрашиваю:

– О чем здесь говорится?

– За мальчиком...

Отголосок промелькнувшей мысли о новой грамматической форме: он сказал бы «о мальчике», но он смутно помнил, что было что-то не так, как он привык говорить...

Как же безмерно интересно, что именно сегодня, после санок, его стало тяготить принуждение – часы. Вначале я не обратил на это внимания...

Стою у печки и размышляю о сегодняшнем уроке. Вдруг Стефан, уже в постели:

– А вы мне обещали.

– Что?

– Сказку.

Впервые Стефан сам просит рассказать ему сказку.

– Рассказать тебе какую-нибудь новую?

– Нет, про Аладдина... Только вы садьте.

– Где?

– Тут, поближе – на стуле.

– Зачем?

– Ну ладно, рассказывайте тогда у печки.

Как будто бы ничего, а сколько в этом смысла!

Из трех сказок, про Золушку, про Кота в сапогах и про Аладдина, он выбирает самую ему близкую: там к бедному мальчику приходит волшебник и своей волшебной лампой меняет его судьбу, здесь появляется незнакомый врач (офицер) и забирает его из приюта; в сказке на блюдах из чистого золота негры приносят лакомства, здесь – Валентий дает ему бублики.

«Только вы садьте», – просит Стефан шепотом. Это мне объясняет, почему дети сбиваются вместе, слушая сказку, – они хотят быть поближе к рассказчику: я обязан сидеть подле него. Мои вопросы «где – зачем» сердят его. Чувство смущения не позволяет ему довериться, открыться мне. Это результат нашей развращенности, когда ребенок бесстыже говорит: «Я тебя так люблю, я хочу быть рядом, мне грустно, какой ты добрый». Стефан стыдился написать в письме брату: «Целую, любящий тебя...»

За завтраком Стефан говорит:

– Вместо того чтобы самому есть бублики, вы их мне отдаете.

Отвечаю: «Угу» – и он больше ничего не добавляет.

После сказки я объясняю: пусть часы во время чтения его не подгоняют.

– Если в первый раз ты читал три минуты, а во второй – три минуты без пяти секунд, то это уже хорошо. Еще: если ты сегодня читал дольше, чем вчера, надо подумать, почему: или ты сегодня сонный, или больше устал в мастерской, а может, санки тебе помешали.

– А я сегодня плохо читал?

– А ты сам как думаешь?

– Не знаю. (Минутное колебание.) Мне кажется, хорошо.

– Да, ты сегодня читал хорошо.

Уже и правый глаз у меня болит, слезится. Пишу с трудом – нужно отдыхать. А жаль записей – несметные сокровища.

* * *

Девятый день

У Стефана чесотка. В приюте она у него уже была два раза – один раз он лечился три недели, другой – шесть. Не удивительно, что он боялся признаться, по-детски откладывая катастрофу на потом. Только теперь я понял, почему он допытывался, будет ли баня и когда. Я не придавал значения этим вопросам, а это была ошибка. Эта необыкновенная забота о чистоте у ребенка войны должна была меня удивить и поразить. Я не обратил внимания, видимо, объяснил это себе желанием мальчика сходить искупаться в незнакомой ему бане (он слышал, что она для больных).

На Валентия это открытие произвело несообразно сильное впечатление – как быть с бельем, едой?

– Никогда у меня ничего такого не было, – говорит он с упреком, полагая, не знаю почему, что теперь он уж точно заразится.

Короткая лекция о чесотке, ее этиологии, степени заразности, лечении – и так в течение трех дней.

– Иди, сынок, в мастерскую, а в обеденный перерыв я тебя мазью намажу.

Да, тут нужны и ласковое слово, и поцелуй.

– Дома у меня никогда коросты не было, – говорит он шепотом.

Стефан долго катался на санках перед уходом в мастерскую. Когда я вошел в мастерскую, он посмотрел на меня с тревогой: а ну как я скажу Дудуку.

Как это все плохо, как выводит из равновесия. Именно сегодня я хотел с ним поговорить – накопился материал, а именно: он вырвал страницу из тетрадки; принес в мастерскую бомбу, не спросив у меня разрешения ее показать; смастерил санки, хотя не знал, соглашусь ли я; не говорит мне правды: не хотел, чтобы я увиделся с его братом, – значит, верно, что-то скрывает; сказал, что в приюте не бьют, и только потом признался, что получал ремня.

Я хотел, чтобы он знал, что я им доволен, но что есть кое-какие мелочи, о которых я ему вот сейчас, при случае, говорю, потому что хочу, чтобы он знал, что хотя я молчу, но все вижу. Теперь к этому добавлю чесотку, которую он тоже скрывал, но все это потом, через несколько дней, когда его кожа и мои глаза заживут.

Несказанно важно делать редкие замечания в виде доброжелательной беседы. Мы обычно боимся, что ребенок забудет; нет, он хорошо помнит, это скорее мы забываем и поэтому предпочитаем все припечатать «по горячему следу», иными словами – не вовремя, жестоко.

Вечером он читал плохо. Вчера двадцать семь строчек – шесть с половиной минут, сегодня шестнадцать строчек за семь минут.

Я попросил его рассказать, о чем он читал. На прошлой неделе он рассказывал коротко своими словами, начиная по-детски: «Значит, так...» Сегодня, не знаю почему, пересказав первый рассказ, он спросил:

– Правда, я плохо рассказал?

А второй он решил рассказать книжными словами – как в школе. И сразу впал в этот ужасный монотонный, бессмысленный, молящий тон школьного ответа, украдкой заглядывая в книжку, откуда выхватывал первые попавшиеся фразы, и плетя с пятого на десятое.

В шашки он уже играет значительно лучше. Исчезли клоунские замашки – играет внимательно и серьезно. Понимаю, что раньше он обезьянничал, подражал авторитетному для него игроку, а теперь уже – начал играть сам.

Я помогаю ему, обращаю внимание на ошибки.

– Только, пожалуйста, не подсказывайте. Когда вы подсказываете, мне уже думать не хочется.

Это исправление каждой ошибки при чтении и писании – не дает ли тот же самый результат? Труд обесценивается, и ученику уже «думать не хочется».

Стол шатается. Стефан расплескал чай – пальцем делает дорожку к краю стола – чай стекает.

– Поглядите, как я сплываю чай.

– Угу.

– Чай сплывает.

Ребенок, бесспорно, обладает чутьем, я сказал бы – совестью грамматики (и орфографии). Я много раз наблюдал, как ребенок, вслушавшись в грамматически неправильно построенную фразу, сам ее пытается изменить, но не знает, как ее исправить.

Не убивает ли в нем эту совесть систематическое обучение? И не усложняем ли мы его работу непонятным, недоступным ему объяснением?

Ум ребенка – лес, кроны которого чуть колышутся, ветви сплетаются, листья, трепеща, касаются друг друга. Бывают мгновения, когда дерево соединяется легким касанием с соседними, и через соседа передаются ему колебания сотни, тысячи деревьев – всего леса. Каждое наше «хорошо – плохо – смотри – еще раз» – это вихрь, вносящий хаос. Я шел однажды за семечком млечника; зернышко, висящее на белом пышном султানে. Долго я за ним ходил: семя перепархивало со стебля на стебель, с травинки на травинку. Тут побудет подольше, там – поменьше, пока не зацепится и не прорастет. О, мысль человека! Нам неведомы законы, которым ты послушна, – мы жаждем узнать их – и не знаем, а этим пользуется злой гений человечества.

Вместо «трав» читает «тварь».

В задаче его сердит слово «дюжина».

– Дюжина – это ж двенадцать (про себя). Ясное дело, двенадцать. А в задаче сказано – одна дюжина, это как?

Читает:

– Недоверчиво (еще раз, внимательно вчитывается), недоверчиво (в третий раз, покорно), недоверчиво... – И читает дальше.

Читает:

– Беглый... беглый... Может, бедный?.. Здесь написано: «беглый»...

Размышляет над оборотом «сидишь, дитятко». Прочитав и убедившись, что прочел правильно, размышляет над тем, что прочитал.

– Проше пана, у вас в часах золотая стрелка?

– Нет, обычная.

– Потому что и золотые есть.

– А ты видел?

– Видел: у панны Лони.

В другой раз:

– Пан доктор, купите себе такую пилку – ногти точить.

– Зачем?

– А такую, какая у панны Лони была.

Видно, его печалит, что я – мужчина, офицер, его теперешний опекун – ниже панны Лони, такой убогий: ни золотой стрелки, ни пилочки.

Перед сном я его мажу мазью.

– И за три дня все пройдет? – спрашивает он недоверчиво.

– Почему ты мне ничего не говорил?

– Стыдно было (вполголоса).

– Чего? Что ты болен?

– Дома у меня никаких струпов не было, – уклонился он от ответа: не хочет сказать, что в приюте смеются, брезгают чесоточным.

– Пан доктор, вы измазались.

– Ну так вымоюсь.

Уже лежа в постели, спрашивает:

– Я ведь недолго катался на санках, правда?

Видя мою доброту, он мучается мыслью о совершенном грехе. Этот вопрос, заданный ни с того ни с сего, я себе объясняю так: «Он ни на что не сердится. Почему он не сердится – может, не знает? А я катался на санках. А он хочет, чтобы я учился. Долго я катался на санках? А может, и не так уж и долго?»

* * *

Десятый день

Скандал и примирение.

Валентий дежурит. Наливаю Стефану чай.

– Почему только полстакана?

– Чтобы не пролил на стол.

– Ну, тогда я себе долю.

Не отвечаю.

Он долил, поставил стакан на стол, и, когда протискивался между скамейкой и столом, стол пошатнулся – чай разлился.

Стефан смутился. Идет, несет тряпку. Я говорю спокойно, но твердо:

– Прошу тебя, Стефан, ничего не брать из вещей пана Валентия, он этого не любит.

– Я хотел вытереть.

– А откуда ты знаешь, может, это тряпка для мытья посуды?

Смутившись, он уносит тряпку. Наклоняю стол, остальное вытираю промокашкой. Стефан молчит, наконец неуверенным голосом – делает попытку:

– Почему на этом стекле (ламповом) буквы Г. С.?

– Наверное, это начальные буквы имени и фамилии фабриканта.

Стефан задает целый ряд вопросов – а означают они одно: «Вот мы разговариваем. Тот инцидент уже забыт. Кто станет о такой мелочи помнить?»

А сам ведь помнит.

Вечером:

– Я налью чаю, хорошо?

– Хорошо.

Мне наливает полный стакан, а себе немногим больше половины.

– Придержите, пожалуйста, – говорит он, пролезая за стол. – Теперь уже не разлил.

Если бы не мои глаза, я описал бы все подробнее – я пропустил ряд деталей.

Утром после чая Стефан сказал «спасибо» и подал мне полотенце. Извинился не словом, а поступком.

Ребенок наблюдает себя, анализирует свои поступки. Только мы не замечаем этот труд ребенка, ибо не умеем читать между строк нехотя бросаемых им фраз. Мы хотим, чтобы ребенок нам поверял все свои мысли и чувства. Сами мы не слишком склонны к откровенности, потому и не хотим или не умеем понять, что ребенок намного стыдливее, уязвимее нас, тоньше реагирует на грубую слежку за движениями его души.

– Я сегодня не молился, – говорит Стефан.

– Почему?

– Забыл. – Пауза. – Если я умываюсь утром, я сразу потом молюсь, а если не умываться, то молиться забываю.

Стефан не моется из-за чесотки.

Для него представляет трудность форма с «пан». Он предпочитает старинное просторечное: «Угадай, пан, погоди, пан, не говори, пан» – и тут же: «Угадайте, пан доктор»

То опять: «Пан доктор писали бы, а я тут болтаю и пану доктору мешаю».

Вопрос о санках обсужу с ним в намеченном важном разговоре. Скоро, наверное, и снег сойдет. И хорошо вышло, что я не сделал ему замечание. Вот в чем секрет его халатного отношения к занятиям:

– Я так боялся в мастерской, что мастер почувствует запах мази. Он – сюда, а я мигом на другой конец. А утром я катался на санках, чтобы выветриться.

Две привычки из приюта: Стефан смеется тихо, прикрывая рот.

– Почему ты не хочешь громко смеяться?

– Воспитательница говорит – это некрасиво.

– Может, потому, что там много детей и было бы шумно...

Вторая – каждый день он оставлял на столе кусочек бублика и чай на донышке. Видно, это неспроста.

– Скажи, Стефек, почему ты всегда оставляешь что-то?

– Нет, я съедаю.

– Слушай, сынок, если ты не хочешь сказать почему – не говори. (Право на тайну!) Но ведь ты оставляешь недоеденное.

– Э-э-э, говорят, если все съесть, то как будто с голодного края приехал и год не ел.

Увидев, что и это признание далось ему с трудом, я больше не настаивал. Сам не желая того, я его обидел. И мне было бы неприятно, если бы я похвастался знанием этикета, но вдруг оказалось бы, что мои манеры – вовсе не хороший тон.

Подражание.

– Пан доктор, я хочу писать большое «К» так, как вы пишете.

В Доме сирот много детей перенимали некоторые мои буквы.

Эти буквы, которыми пользуются взрослые, лучше, ценнее. Помню, как я долго бился, чтобы научиться писать большое «В» так, как отец писал на конверте в адресе: «Вельможному пану такому-то». Я полагал, что удивлю учительницу, а получил резкую отповедь.

– Вот станешь папашей, тогда и пиши как хочешь.

«Почему? А ей-то что? Что в этом плохого?» – я был удивлен и обижен...

Сегодня во время диктанта пришел фельдшер с бумагами. Я не заметил, что Стефан внимательно смотрит, как я пишу. А он смотрел: после ухода фельдшера он стал писать с такой скоростью, что и мечтать нельзя было, чтобы это прочесть.

Как у учителя на моей совести только три строки преступно небрежного письма, а как у воспитателя у меня очень тонкий рефлекс бунта против собственного несовершенства.

– Я хочу писать быстро, как вы, хочу на вас походить.

Ну что ж, попробуем:

– Смотри, парень, что ты тут накалякал. Блям... дям... брам... Почему эти три строки так тебе не удались?

– Не знаю (смушенная улыбка).

– Может, ты устал?

– Я не устал...

Не хочет лгать, а правды сказать не может.

Мы проверяем его успехи в технике чтения. Так как мы читаем теперь книгу с более мелким шрифтом, пришлось считать буквы.

– Там было тридцать семь строк по семнадцать букв – это значит шестьсот двадцать девять букв. Ты их прочел за двести десять секунд, это значит три буквы в секунду. А здесь шестьдесят пять строк по двадцать семь букв – ты прочел их за шесть с половиной минут. Ты читаешь почти пять букв в секунду.

Это не произвело на него особого впечатления, хотя он с любопытством смотрел на мои подсчеты.

Перед тем как уснуть:

– Поцеловать тебя на ночь?

– А что, я святой?

– А разве только...

– Или ксендз – или кто?

Люблю, когда читаю, встречать легкие слова: «окликнула», «довольна», «разожгла».

Меня сердят слова: «защищающихся»... «дождливый день»...

Легкая задачка; он уже решал и более трудные, а теперь путается в трех соснах. Какого черта?

– Ой, пан доктор, тут струпик.

– Где?

– Вон тут, – показывает на шею. – Это не чесотка?

– Нет, завтра вымоешься, и все пройдет.

И уже арифметика идет без запинки.

* * *

Одиннадцатый день

Когда я надел синие очки, Стефан спросил шепотом:

– У вас очень болят глаза?

Шепот и улыбка – только благодаря Стефану я обратил на них внимание – в интернате я бы их не заметил.

– Я здоров, а вы больны, – сказал он вечером.

Это честный способ выражения сочувствия. Мы говорим красивее, но меньше чувствуем. Я ему благодарен за эти слова.

Не знаю, почему он сказал:

– А я теперь о брате вообще не думаю.

– Это плохо, ты должен думать об отце и брате.

Зловредная война.

Он плакал, когда я уезжал в больницу. Полагаю, что это воспоминание из родимого гнезда: надо плакать, когда кого-то кладут в больницу, когда кто-то умирает.

Он меня навестил в больнице вместе с Валентием.

– Пан доктор, а те офицеры тоже больные?

– Да.

– Глаза болят?

– Нет, разные болезни.

– А в карты они играют на деньги?

II. Как любить ребенка

Хочу научить понимать и любить

1. Как, когда, сколько, почему?

Я предчувствую множество вопросов, ждущих ответа, множество сомнений, ищущих объяснений.

И отвечаю:

– Не знаю.

Каждый раз, когда ты, отложив книгу, начнешь плести нить собственных мыслей, – книга достигла намеченной цели. Если же ты поспешно листаешь страницы в поисках рецептов и указаний, досадуя и привередничая, что их мало, – знай, если и есть в этой книге советы и инструкции, то появились они не помимо воли автора, а вопреки ей.

Я не знаю и знать не могу, как неведомые мне родители в неизвестных мне условиях могут воспитывать незнакомого мне ребенка; подчеркиваю: «могут», а не хотят, «могут», а не должны.

«Не знаю»: для науки это туманность, откуда возникают и рождаются новые мысли, все более близкие к истине.

«Не знаю»: для ума, не посвященного в научное мышление, – мучительная пустота.

Я хочу научить понимать и любить чудесное, полное жизни и ослепительных сюрпризов творческое «не знаю» современной науки в отношении ребенка.

Я хочу, чтобы стало понятно: никакая книга, никакой врач не заменят собственной бдительной и чуткой мысли, собственного приметливого взгляда.

Часто встречается мнение, что материнство облагораживает женщину, что только став матерью, она созревает духовно. Да, материнство пламенными вспышками высвечивает вопросы, охватывающие все области жизни внешнего и внутреннего мира; но их можно и не заметить, или трусливо отложить на далекое будущее, или возмущаться, что их решения не купишь.

Приказать кому-то вложить в голову готовые мысли – все равно что велеть чужой женщине родить твоего ребенка. Есть мысли, которые надо в муках рожать самому, и они-то и есть самые ценные. Они определяют, что ты, мать, дашь ребенку – грудь или вымя, воспитаешь его как человек или как самка, будешь руководить ребенком или будешь силком волочь за собой на аркане принуждения, будешь играть им, пока он мал, и нежностями с ним восполнять скупые или постылые ласки мужа, а когда он чуть подрастет, бросишь его на произвол судьбы или возжелаешь его ломать.

Ребенок не бывает твоим

2. Ты говоришь: «Мой ребенок». Когда, как не во время беременности, у тебя есть на это наибольшее право? Биение крохотного, как косточка персика, сердца – эхо твоего пульса. Твое дыхание дает и ему кислород из воздуха. Общая кровь течет в вас, и ни одна красная капля крови еще не ведает, останется ли она твоей, перейдет ли к нему, или, излившись, погибнет данью тайне зачатия и рождения. Кусок хлеба, что ты жуешь, – строительный материал для ног, которыми он будет бегать, кожи, их покрывающей, глаз, которыми он будет смотреть, мозга, в котором вспыхивает мысль, рук, протянутых к тебе, улыбки, с которой он позовет: «Мама!»

Вместе вам суждено пережить решающий миг: вместе вы будете страдать общей мукой. Ударит колокол и возвестит:

– Готово.

И в тот же миг оно, дитя твое, заявит: «Я хочу жить собственной жизнью!» – а ты отзовешься: «Живи теперь собственной жизнью!»

Мощными судорогами утробы будешь ты изгонять его из себя, не скорбя о его боли; мощно и решительно будет прорываться дите вперед, не скорбя о боли твоей.

Жестокое действие.

Нет. И ты, и ребенок, совершите сто тысяч незаметных, нежных, чудесно ловких движений, чтобы, забирая свою долю жизни, он не забрал больше, чем положено ему по праву, по вечному, всеобъемлющему праву жизни.

«Мой ребенок».

Нет. Ни в месяцы беременности, ни в часы родов ребенок не бывает твоим.

Эта пылинка охватит мыслью все

3. Ребенок, которого ты родила, весит 10 фунтов.

В нем восемь фунтов воды и горстка углерода, кальция, азота, серы, фосфора, калия, железа. Ты родила восемь фунтов воды и два фунта пепла. Каждая капля этого *твоего* ребенка была тучкой, кристалликом снега, туманом, росой, родником, илом в городском канале.

Каждый атом углерода или азота связывался в миллионы соединений.

Ты лишь собрала все, что было.

Земля, повисшая в бесконечности.

Ближайший спутник – Солнце – в пятидесяти миллионах миль.

Диаметр маленькой нашей Земли – это три тысячи миль огня с тонкой, всего лишь десятимильной, остывшей скорлупкой.

На тонкой скорлупе, заполненной огнем, посреди океанов разбросана горстка суши.

На суше, среди деревьев и кустов, насекомых, птиц и зверей, копошатся люди.

Среди миллионов людей и ты произвела на свет одного. Что именно? Травинку, пылинку – ничто.

Такое оно хрупкое, что его может убить бактерия, которую в тысячу раз увеличишь – а она всего лишь точка в поле зрения...

Но это ничто – кровь от крови и плоть от плоти морской волны, вихря, молнии, солнца, Млечного Пути. Эта пылинка – брат колосу и траве, дубу и пальме, птенцу, львенку, жеребенку и щенку.

В ней то, что она чувствует, видит, что заставляет ее страдать, радоваться, любить, доверять, ненавидеть, верить, сомневаться, что ее привлекает и отталкивает.

Эта пылинка охватит мыслью все: звезды и океаны, горы и пропасти. А что такое суть души, как не Вселенная, только безмерная?

Вот оно, противоречие человеческой сути, рожденной из праха, в котором Бог поселился.

Это общий ребенок, матери и отца, дедов и прадедов

4. Вот ты говоришь: «Мой ребенок».

Нет, это общий ребенок, матери и отца, дедов и прадедов.

Чье-то далекое «я», спавшее в веренице предков, голос истлевшего, давно забытого захождения вдруг зазвучали в твоём ребенке.

Триста лет назад, в годину войны или мира, в калейдоскопе скрещивающихся рас, народов, классов, по обоюдному согласию или силой, в минуту ужаса или любовного упоения, кто-то овладел кем-то: обманул ли, соблазнил ли – никто не знает, кто и когда, но Бог вписал это в Книгу судеб, а антрополог отгадывает по форме черепа или цвету волос.

Бывает, впечатлительный ребенок фантазирует, что он – подкидыш в родительском доме. Так оно и есть: его прародитель умер века тому назад.

Ребенок – пергамент, плотно заполненный мелкими иероглифами, в котором ты сумеешь прочесть лишь часть; кое-что ты сможешь стереть или вычеркнуть и наполнить собственным содержанием.

Страшный закон. Нет, прекрасный. В каждом твоём ребенке он куёт первое звено в бессмертной цепи поколений. Поищи спящую в этом твоём чужом ребенке собственную частицу. Может, ты ее и заметишь, может, даже и разовьешь.

Ребенок и бесконечность.

Ребенок и вечность.

Ребенок – пылинка в пространстве.

Ребенок – миг во времени.

Кем ему быть?

5. Ты говоришь: «Он должен... Я хочу, чтобы он...»

И ищешь пример, которому он должен подражать, ищешь, какой жизни ты для него хочешь.

Это ничего, что вокруг – посредственность и заурядность. Это ничего, что вокруг – серость.

Люди топчутся, копошатся, хлопочут, – мелкие заботы, слабые стремления, ничтожные цели...

Несбывшиеся надежды, разъедающая горечь, вековая тоска.

Кривда правит.

Ледяные стены сухого равнодушия, от лицемерия дышать нечем.

У кого клыки и когти – нападает, кто кроток – уходит в себя.

И ведь не только страдают люди, еще и марают себя...

Кем ему быть?

Воителем или только тружеником, вождем или рядовым? Или всего-навсего просто счастливым?

Где счастье, в чем оно – счастье? Знаешь ли ты дорогу к нему? И есть ли на свете те, кто знает?

Ты выдужишь?

Как предугадать, как защитить?

Мотылек над пенящимся потоком жизни. Как придать ему стойкости, но не затруднить полет, как закалить его крылья, а не подрезать?

Стало быть, собственным примером, помощью, советом, словом?

А если он их отвергнет?

Через пятнадцать лет он будет вглядываться в будущее, а ты – в прошлое.

В тебе – воспоминания и привычки, в нем – непостоянство и дерзкая надежда. Ты колеблешься – он ждет и доверяет, ты опасаясь – а он беспечен.

Молодость, если она не глумится, не проклинает, не презирает, всегда жаждет исправить ошибки прошлого.

Так должно быть. А все же...

Пусть ищет, только бы не заблудился, пусть стремится к вершинам, только бы не упал, пусть выкорчевывает, только бы рук не поранил, пусть сражается, только осторожно... осторожно.

Он скажет:

– А я думаю по-другому. Хватит меня опекать.

Значит, ты мне не доверяешь?

Значит, я тебе не нужна?

Тебя душит моя любовь?

Дитя беспечное, жизни не ведающее, дитя бедное, дитя неблагодарное!

Разве любовь – услуга, за которую ты требуешь платы?

6. Неблагодарный.

А земля благодарна Солнцу за его свет? А дерево – семени, из которого выросло? Поет ли соловей своей матери, согревавшей его своей грудью?

Отдаешь ли ты ребенку полученное тобой от родителей или всего лишь одалживаешь, чтобы потом отобрать, скрупулезно все записывая и высчитывая проценты?

Разве любовь – услуга, за которую ты требуешь платы?

«Мать-ворона, как безумная, мечется вокруг, садится чуть не на плечи юному смельчаку, хватая клювом за палку или за ветки над его головой, как молотом стучит головой по дереву, грызет ветки и каркает в отчаянии хрипло, надсадно и отвратительно. Когда мальчишка сбрасывает птенца, она кидается наземь и, волоча крылья, разевает клюв, хочет каркнуть, но голоса нет, машет крыльями и скачет к ногам мальчишки, обезумевшая, смешная, словно она первая в своем роду решилась на самоубийство. Когда были перебиты все ее детеныши, она взлетела на дерево к опустошенному гнезду и, кружась над ним, о чем-то думала...» (Жеромский)⁴

Материнская любовь – это стихия. Люди изменили ее по-своему. Весь цивилизованный мир, исключая разве что некоторые слои, не затронутые культурой, практикует детоубийство. Супруги, у которых двое детей, когда могло бы быть двенадцать, – это убийцы десятерых неродившихся, среди которых и был тот единственный, именно «их ребенок». Может, среди неродившихся они убили самого дорогого...

Так что же делать?

Надо растить не тех детей, что не родились, а тех, которые рождаются и будут жить.

Напыщенность незрелости.

Я долго не хотел понять, что необходим расчет и забота о детях, которые рождаются. В неволе разорванной на части Польши, подданный, а не гражданин, я бездушно не желал поминать, что вместе с детьми должны появляться на свет школы, рабочие места, больницы, культурные условия жизни. Безрассудную плодовитость я сегодня воспринимаю как зло и легкомысленный проступок: возможно, мы в преддверии возникновения новых законов, диктуемых евгеникой и демографической политикой.

⁴ Цитата из рассказа С. Жеромского «Забвение». Пер. В Зеленовской. – *Здесь и далее примеч. переводчика.*

Мир отбирает его у матери

7. Здоров ли он? Еще так непривычно, что он – уже не часть матери. Ведь еще совсем недавно, в их сдвоенной жизни, страх за него был частью страха за себя.

Как же она мечтала, чтобы это время кончилось, как хотела, чтобы эта минута осталась позади. Думала, что тут-то она и избавится от всех страхов и волнений.

А теперь?

Странное дело: раньше ребенок был ей ближе, больше был ее собственностью, мать была увереннее в его безопасности, лучше его понимала. Полагала, что все знает, все сможет. С той поры, когда руки – профессиональные, оплаченные, опытные – приняли опеку над ним, она, отодвинутая на второй план, потеряла покой.

Мир уже отбирает его у матери.

И в долгие часы вынужденного бездействия появляется множество вопросов: что я ему дала, какое приданое, чем защитила?

Он здоров, так почему же он плачет?

Почему он худой, почему плохо сосет, не спит, так много спит? Почему у него большая головка, ножки поджаты, кулачки стиснуты? Почему красная кожа? Белые прыщики на носике? Почему он косит, икает, чихает, поперхнулся, почему охрип?

Так и должно быть? А может, все ей врут?

Она вглядывается в это маленькое беспомощное существо, непохожее ни на одного из тех маленьких и беззубых существ, каких она видела на улице и в саду.

Может ли быть такое, чтобы вот это существо через три-четыре месяца стало таким же, как они?

А может, они ошибаются?

Может, легкомысленно отмахиваются от нее?

Мать недоверчиво слушает врача, следит за ним взглядом, старается по его глазам, приподнятой брови, пожатия плеч угадать – правду ли он ей говорит, не колеблется ли, достаточно ли внимателен.

Ты хочешь скрыть от ребенка, что он красив?

8. «Красивый? Мне это не важно». Так отвечают неискренние матери, желая подчеркнуть свое серьезное отношение к задачам воспитания.

Красота, обаяние, фигура, приятно звучащий голос – это капитал, который ты дала своему ребенку, и он, так же, как здоровье, как ум, он облегчает ему жизненный путь. Не нужно переоценивать значение красоты, без поддержки другими достоинствами она может навредить. Тем больше она требует бдительного внимания.

Красивого и некрасивого ребенка нужно воспитывать по-разному. А поскольку нет воспитания без участия ребенка, не следует стыдливо скрывать от него проблемы, связанные с красотой, потому как именно это его и портит.

Это якобы презрение к красоте – пережиток Средневековья. Разве человек, чуткий к красоте цветка, бабочки, пейзажа, должен быть равнодушен к красоте человека?

Ты хочешь скрыть от ребенка, что он красив? Если ему не скажет этого никто из многочисленного его окружения в доме, ему это скажут чужие на улице, в магазине, в саду, везде: возгласом, улыбкой, взглядом, взрослые или сверстники. Ему это покажет пренебрежение к некрасивым и уродливым детям. Он поймет, что красота дает привилегии, так же как понимает, что рука – это его рука, которой он может пользоваться.

Как слабый ребенок может успешно развиваться, а здоровый – стать жертвой несчастного случая, так и красивый ребенок может быть несчастным, а ребенок, закованный в броню некрасивости – не выделяемый из толпы, не замечаемый, – быть счастливым. Ибо ты должна, ты обязана помнить, что жизнь, приметив каждую ценность, возжаждет ее купить, выманить или украсть. Из этого хрупкого равновесия тысяч колебаний возникают неожиданности, которые часто изумляют воспитателя болезненным «почему?!»

– Его красота для меня не важна.

Ты начинаешь с заблуждения и лжи.

Узы шаблона

9. Умный ли он?

Если в самом начале мать с тревогой задает этот вопрос, вскоре она начнет требовать.

Ешь, пусть ты и сыт, ешь, хотя бы и с омерзением; ложись спать, пусть даже со слезами, пусть еще час будешь ворочаться без сна. Потому что ты должен, потому что я требую, чтобы ты был здоров.

Не играй с песком, носи тесные штанишки, не трогай волосы, потому что я хочу, чтобы ты был красив.

«Он еще не говорит... Он старше, чем... а все-таки еще не... Он плохо учится...»

Вместо того чтобы наблюдать, чтобы познать и увидеть, берется первый встречный пример «удачного ребенка» и перед собственным ребенком ставится задача: вот тебе образец для подражания.

Нельзя ребенку состоятельных родителей стать ремесленником. Лучше пускай будет несчастным и деморализованным человеком. Не любовь к ребенку, а эгоизм родителей, не благополучие личности, а амбиции толпы, не поиски своего пути, а узы шаблона.

Ум бывает деятельный и пассивный, живой и апатичный, стойкий и капризный, покорный и непослушный, творческий и подражательный, блистательный и глубокий, конкретный и абстрактный, практичный и склонный к фантазии; память может быть выдающейся и посредственной; ловкость в использовании полученной информации и совестливость сомнений; врожденный деспотизм и склонность к размышлениям, критичность. Встречается преждевременное и замедленное развитие, односторонние или разносторонние интересы.

Но кому какое до этого дело?

«Пусть хоть четыре класса закончит», – говорит родительское разочарование.

Предвидя замечательное возрождение физического труда, в кандидаты для него люди прочат все классы и слои общества. А пока что – борьба родителей и школы с каждым проявлением исключительного, нетипичного, слабого или неразвитого ума.

Не – «умен ли», скорее уж – «как умен»?

Наивно призывать семью добровольно принести тяжкую жертву. Исследования интеллекта и психотехнические тесты будут успешно осаживать самолюбивые амбиции. Понятное дело, это песнь отдаленного будущего.

Не путать понятия «хороший» и «удобный»

10. Хороший ребенок.

Берегитесь, чтобы не путать понятия «хороший» и «удобный».

Плачет мало, не будит нас ночью, доверчивый, послушный и веселый – хороший.

Капризный, крикливый, плаксивый, без видимого повода доставляет матери больше неприятностей, чем радостей, – плохой.

Независимо от самочувствия, младенцы бывают от рождения более или менее терпеливыми. Одному довольно единицы неприятных ощущений, чтобы отреагировать десятью единицами крика, другой на десять единиц недомогания реагирует единицей плача.

Один сонный, движения ленивые, сосет медленно, крик лишен живого напряжения, явных эмоций.

Второй легко возбудимый, подвижен, спит чутко, сосет взахлеб, кричит до посинения.

Заходится ревом («закатывается»), у него перехватывает дыхание, приходится его откачивать, иногда он с трудом возвращается к жизни. Я знаю: это болезнь, мы лечим ее рыбьим жиром, фосфором, безмолочной диетой. Но именно эта болезнь позволяет младенцу вырасти зрелым человеком, с мощной волей, стихийным напором и гениальным умом. Наполеон в младенчестве «закатывался».

Все современное воспитание требует, чтобы ребенок был удобен. Оно последовательно стремится усыпить, подавить, уничтожить все, что есть воля и свобода ребенка, закалка его духа, сила его требований и стремлений. Послушный, воспитанный, добрый, удобный, но даже мысли нет о том, что он вырастет безвольным в душе и калекой в жизни.

Дети плачут

11. Болезненная неожиданность, с которой сталкивается молодая мать, – крик ребенка. Она знала, конечно, что дети плачут, но, думая о своем ребенке, она это упустила и ждала от него одних только очаровательных улыбок.

Она будет удовлетворять его потребности, она будет воспитывать его разумно, современно, под руководством опытного врача. Ее ребенок не должен плакать.

Но приходит ночь – и мать ошеломленная, с живым эхом пережитых ею страшных часов, которые тянулись веками. Только-только вкусила она сладость бестревожной усталости, заслуженный отдых после выполненной работы, после отчаянного усилия, первого в ее утонченной жизни. Только-только поддалась она иллюзии, что все закончилось, потому что Он – другое ее «я» – уже сам дышит. Погруженная в тихие воспоминания, она способна лишь задавать природе полные таинственного шепота вопросы, даже не требуя ответа на них.

Как вдруг...

Деспотичный вопль ребенка, который чего-то требует, на что-то жалуется, домогается помощи, – а она не понимает.

Бди!

«Да я не могу, не хочу, не знаю...»

Этот первый крик при свете ночника – объявление борьбы двух жизней: одна – зрелая, вынужденная уступать, отречься от себя и жертвовать – защищается; другая – новая, молодая – отвоевывает свои – собственные – для себя права.

Сегодня ты еще не винишь его: он не понимает, он страдает. Но на циферблате времени есть в будущем час, когда ты скажешь: и мне плохо, и я страдаю.

Мечта о враче-друге

12. Бывают дети, которые плачут мало, – тем лучше.

Но есть и такие, у которых от крика набухают вены на лбу, вздувается темечко, багрянец заливает лицо и голову, синеют губы, дрожит беззубая челюсть, живот вздымается, кулачки судорожно сжимаются, ножки молотят воздух.

Вдруг он, обессиленный, умолкает с выражением полного смирения, «с упреком» смотрит на мать, щурит глазки, умоляя сон прийти.

Несколько неглубоких вздохов – и снова такой же или даже еще худший приступ плача.

Могут ли выдержать такое крохотные легкие, маленькое сердечко, юный мозг?

Спасите, врача сюда!

Через тыщу лет врач приплелся, со снисходительной улыбкой слушает про ее страхи, такой чужой, неприступный, профессионал, для которого ее ребенок – один из тысячи. Он пришел, чтобы через минуту уйти к другим страданиям, выслушивать другие жалобы, пришел теперь, когда на дворе день и все кажется веселее: потому что солнце, потому что по улицам ходят люди; пришел, когда ребенок как раз уснул, вымотанный бессонными часами, когда не заметны слабые следы чудовищной ночи.

Мать слушает врача, иногда слушает невнимательно. Ее мечта о враче-друге, наставнике, проводнике на тернистом пути бесповоротно рухнула.

Она вручает ему гонорар и вновь остается один на один с горьким опытом, что врач – это равнодушный, посторонний человек, который не поймет ее. Да он и сам к тому же ни в чем не уверен, ничего определенного не сказал.

Не отрекайся от этих ночей

13. Если бы молодая мать знала, что решают эти первые дни и недели не столько для здоровья ребенка сегодня, сколько для будущего обоих!

А как легко их упустить и испортить!

Вместо того чтобы убедиться и примириться с тем, что точно так же, как для врача ее ребенок интересен лишь как источник дохода или средство удовлетворения тщеславия, так же и для мира он ничто, что дорог и ценен он только для нее одной...

Вместо того чтобы примириться с современным состоянием науки, которая догадывается, пытается узнать, изучает и продвигается вперед, что-то знает, в чем-то помогает, но не дает гарантий...

Вместо того чтобы мужественно признать: воспитание ребенка – не приятная игра, а работа, в которую нужно вложить усилия бессонных ночей, капитал тяжелых переживаний и множество размышлений...

Вместо того чтобы переплавить все это в тигле чувства в трезвое понимание, без иллюзий, без детской обиды и самолюбивой горечи, – она способна перевести ребенка вместе с кормилицей в самую дальнюю комнату, потому как она «не в силах смотреть» на страдания малыша, «не в силах слушать» его болезненный зов. Она будет вновь и вновь вызывать врача и врачей, не получая никакого опыта, – замученная, ошеломленная, отупевшая.

Как наивна радость матери, когда она понимает первую невнятную речь ребенка, угадывает его перепутанные и недоговоренные слова.

Только теперь?.. Только это?.. Не больше?..

А язык плача и смеха, язык взглядов и гримас, речь движений и сосания?

Не отрекайся от этих ночей. Они дают то, чего не даст никакая книга, ничей совет. Потому что ценность их не только в знаниях, но и в глубоком духовном перевороте, который не дает вернуться к бесплодным размышлениям «что могло бы быть, что должно быть, что было бы хорошо, если бы...»; они учат действовать в тех условиях, которые есть.

Во время этих ночей может родиться чудесный союзник, ангел-хранитель ребенка – интуиция материнского сердца, ясновидение, которое складывается из испытующей воли, исследовательской мысли, незамутненного чувства.

Мать заметила...

14. Иногда случалось: вызывает меня мать.

– Ребенок-то вообще-то здоров, с ним ничего такого. Только вот я хочу, чтобы вы его осмотрели.

Осматриваю, даю несколько советов, отвечаю на вопросы. Ребенок-то здоровый, милый, веселый.

– До свиданья.

И в тот же вечер или наутро:

– Пан доктор, у него жар.

Мать заметила то, чего я, врач, не сумел заметить при поверхностном осмотре во время короткого визита.

Часами склоненная над малышом, не зная методов наблюдения, она сама не ведала, что именно она заметила; не доверяя себе, она не смеет признаться в своих тонких наблюдениях.

А ведь она заметила, что у ребенка пока без всякой хрипоты, но голос какой-то севший, что он агукает меньше или тише. Вот он вздрогнул во сне сильнее, чем обычно. Проснувшись, рассмеялся, но не так живо, как обычно. И сосал он медленнее, с длительными перерывами, словно рассеянно. Похоже, он гримасничал, когда смеялся, – или это только показалось? Любимую игрушку сердито отшвырнул – почему?

Сотней знаков, замеченных ее глазом, ухом, соском, сотней микрожалоб ребенок ей сказал:

«Что-то мне не по себе. Плоховато я себя сегодня чувствую».

Мать не верит своим глазам, не верит в то, что видит, потому что про такие симптомы она в книжках не читала.

Шелуха от семечка

15. На бесплатный прием в больницу мать-работница приносит новорожденного нескольких недель от роду.

– Не хочет сосать. Только возьмет сосок – и сразу с криком бросает. А из ложечки пьет жадно. Иногда во сне или наяву вдруг вскрикивает.

Осматриваю рот, горло – ничего не вижу.

– Дайте ему грудь.

Ребенок трогает сосок губами, но сосать не хочет.

– Такой недоверчивый стал.

Наконец малыш берет грудь, быстро, словно отчаянно, делает несколько сосательных движений и с плачем выплевывает сосок.

– Посмотрите же, у него что-то на десенке.

Смотрю еще раз – покраснение, но какое-то странное: только на одной десне.

– Ой, тут что-то черненькое... зуб, что ли?

Вижу что-то твердое, желтое, овальное, с черной черточкой на ободке. Подцепляю это – оно сдвигается; приподнимаю – под ним маленькое красное углубление с кровавыми краешками.

Наконец это «что-то» у меня в руках: шелуха от семечка.

Над детской кроваткой висит клетка с канарейкой. Канарейка выплюнула шелуху, она упала ребенку на губу, скользнула в рот, впилась в десну.

Ход моих мыслей: *stomatitis catarrhalis*, *soor*, *stom. aphthosa*, *gingivitis*⁵, *angina* и так далее.

А она: болит, что-то у него во рту...

Я два раза проводил осмотр... А она?

⁵ *Stomatitis catarrhalis* (лат.) – воспаление слизистой оболочки рта; *soor* (лат.) – молочница; *stomatitis aphthosa* (лат.) – афтозный стоматит; *gingivitis* (лат.) – воспаление слизистой оболочки десен, гингивит.

Смотри в оба все двадцать часов

16. Если иногда врача изумляет точность и детальность материнских наблюдений, то, с другой стороны, с таким же изумлением он обнаруживает, что зачастую мать не может не то что понять, но даже заметить простейший симптом.

Ребенок с самого рождения плачет. Больше ничего она за ним не замечала. Вот плачет и плачет!

Начинается ли плач внезапно и сразу достигает пика – или жалобное поскуливание переходит в плач постепенно? Быстро ли ребенок успокаивается? – сразу же после того, как у него был стул или он помочился, после рвоты или срыгивания? Или же бывает так, что вдруг резко вскрикивает во время мытья, одевания, когда берут на руки? Жалуется ли он: протяжно, без резких вскриков? Какие движения делает он при этом? Успокаивается ли, когда его носят на руках, распеленывают, выкладывают на животик, часто меняют положение? Засыпает ли после плача крепко и надолго – или просыпается от малейшего шороха? Он плачет до или после кормления? Когда плачет больше: с утра, вечером или ночью?

Успокаивается ли во время кормления? Надолго ли? Отказывается ли от груди? Как отказывается? Выплевывает сосок, едва взяв его в рот, при глотании, внезапно, или через некоторое время? Решительно не желает сосать – или можно его все-таки уговорить? Как сосет? Почему не сосет?

Если ребенок простужен, то как он сосет? Жадно и с силой, потому что хочет пить, а потом быстро и поверхностно, неровно, с паузами, потому что не хватает дыхания? Потом еще и боль при глотании, и что будет тогда?

Ребенок плачет не только от голода или потому, что «животик бо-бо», но и от того, что болят губы, десны, язык, горло, нос, пальцы, ухо, кости, поцарапанное клизмой заднепроходное отверстие, от болезненного мочеиспускания, от тошноты, жажды, перегрева, от зуда кожи, на которой еще нет сыпи, но будет через несколько месяцев, плачет из-за жесткой тесемки, складки на пеленке, крошечного волоконца ваты, застрявшего в горле, шелухи семечка, выпавшей из клетки с канарейкой.

Вызови врача на десять минут, но сама смотри в оба двадцать часов!

Не хотят видеть очевидного и знать того, что знают

17. Книга с ее готовыми формулами замутила взгляд, разленивила мысль.

Живя чужим опытом, исследованием, мировоззрением, люди настолько утратили веру в себя, что не хотят сами смотреть на мир. Как будто содержимое печатного обрывка – откровение, а не результат исследования, только чужого, не моего, когда-то и над кем-то, а не сегодня, не сейчас и не над моим собственным ребенком.

А школа воспитала трусость, страх признаться, что ты не знаешь.

Сколько раз мать, записав на листочке вопросы, которые она хочет задать врачу, не решается их выговорить. Как редко она протягивает ему этот листочек, потому что «я там какие-то глупости накалякала».

Сколько раз она, скрывая свое невежество, вынуждает и врача скрывать его неуверенность и сомнения, перед тем как вынести решительный приговор. Как неохотно она принимает расплывчатые и условные ответы, как не любит, когда врач вслух размышляет над детской кроваткой. Как же часто врач, понуждаемый быть пророком, превращается в шарлатана.

Иногда родители не хотят видеть очевидного и знать того, что знают.

Роды в обществе, где царит фанатичное стремление к комфорту, явление столь редкостное и злоехидно исключительное, что мать категорически требует от природы щедрого вознаграждения. Если уж она пошла на жертвы, неприятности, недомогания беременности и страдания в родах, ребенок должен быть только таким, о каком она мечтала.

Хуже того: привыкнув, что за деньги можно купить все, она не хочет мириться с мыслью, что существует нечто, что может получить нищий и чего не выклянчить магнату.

Как часто в поисках того, что на рынке носит ярлык «здоровье», родители покупают суррогаты, которые либо не помогают, либо вредят.

Кормить может каждая мать, у каждой достаточно молока

18. Младенцу – материнскую грудь, независимо от того, родился ли он от Богом благословенной супружеской четы или потому, что девушка потеряла стыд; шепчет ли мать: «Мое ты сокровище» или вздыхает: «Что мне, несчастной, делать?!» Независимо от того, поздравляют ли униженно с младенцем ясновельможную пани или бросают вслед деревенской девушке: «Тьфу, шлюха!»

Проституция, что служит мужчине, обретает свое социальное дополнение в кормилицах, которые служат женщине.

Надо полностью отдавать себе отчет в узаконенном кровавом преступлении, жертвой которого становится ребенок бедной семьи, – даже не ради блага ребенка богатых. Ведь кормилица может кормить и двоих: и своего, и чужого. Молочная железа дает столько молока, сколько от нее потребуется. Молоко у кормилицы пропадает именно тогда, когда ребенок высасывает меньше, чем вырабатывает грудь.

Простое уравнение: большая грудь, маленький ребенок – перегорание молока.

Удивительная вещь: в менее важных случаях мы готовы выслушивать советы множества врачей, а решая столь важный вопрос (может ли мать кормить грудью), мы останавливаемся на одном, порой неискреннем, совете кого-то из нашего окружения.

Кормить может каждая мать, у каждой достаточно молока. Только незнание техники кормления лишает ее природной способности кормить. Боль в грудях, трещины сосков представляют собой известное препятствие, но и это можно преодолеть сознанием того, что она, мать, уже всю беременность вынесла, не перекладывая ее тяготы на плечи купленной наемницы.

Ибо кормление – это естественное продолжение беременности, «только ребенок из материнского чрева перебрался наружу, отрезанный от пуповины, схватил грудь и теперь пьет вместо красной белую кровь».

Пьет кровь? Да, кровь матери, таков закон природы, а не кровь убиенного им молочного брата, как велит закон человеческий.

Эхо некогда живой борьбы за право ребенка на материнскую грудь. А сегодня животрепещущим стал квартирный вопрос. Что будет завтра? Сосредоточение интересов автора зависит от переживаемого момента.

Нет совета, которого нельзя довести до абсурда

19. Может, я бы и написал «сонник гигиены от египетского оракула» для матерей.

«Вес при рождении три с половиной кило – к здоровью и благополучию».

«Зеленый, слизистый стул – к беспокойству, печальному известию».

Может, и я бы составил «любовный письмовник» советов и рекомендаций.

Но я не раз убеждался, что нет совета, которого нельзя довести до абсурда отсутствием критики и крайностями.

Старая система: грудь тридцать раз в сутки, попеременно с «касторочкой».

Младенец переходит с рук на руки, его укачивают и трясут все простуженные тетки. Его подносят к окну, к зеркалу, хлопают в ладоши, трясут погремушками, поют – цирк, да и только.

Новая система: грудь каждые три часа. Ребенок, видя приготовления к трапезе, теряет терпение, гневается, плачет. Мать смотрит на часы: еще четыре минуты. Ребенка будят, потому что пробили часы, и голодного отрывают от груди, потому что истекли положенные минуты. Ребенок лежит в кроватке – нельзя его трогать. Нельзя приучать к рукам! Выкупанный, сухой, накормленный ребенок должен спать. А он не спит. Надо ходить на цыпочках, занавесить окна. Больничная палата, мертвецкая.

Мысль работает, а рецепт приказывает.

«Сколько раз в сутки кормить?»

20. Не «как часто кормить», а «сколько раз в сутки» Если вопрос поставить так, он дает матери свободу: пусть она сама распределит часы кормления, как лучше и ей, и ребенку.

Сколько раз в сутки нужно кормить ребенка?

От четырех до пятнадцати.

Сколько времени необходимо держать у груди?

От четырех минут до трех четвертей часа и больше.

Мы сталкиваемся с грудью, из которой молоко идет легко и трудно, со скудным и изобильным молоком, с соском правильным и неправильным, выносливым и болезненным. Дети бывают очень капризные и лениво сосущие. Значит, не будет и одного рецепта для всех.

Сосок развит плохо, но выносливый; новорожденный сосет охотно. Пусть сосет часто и подолгу, чтобы «разработать» грудь.

Грудь изобильная, младенец слабый. Может, перед кормлением лучше сцедить часть молока, чтобы заставить ребенка потрудиться. Не справляется? Тогда сначала дать грудь, а остаток сцедить.

Грудь трудная, ребенок флегматичный. Он начинает сосать только через десять минут.

Одно глотательное движение может приходиться на одно, два, пять сосательных движений. Количество молока в одном глотке может быть большим и меньшим.

Ребенок лижет грудь, теревит, но не глотает; глотает редко или слишком часто.

«У него все льется по подбородку».

Может быть, молока слишком много или, наоборот, мало, и изголодавшийся ребенок сосет с силой и сразу захлебывается, но при этом только несколькими первыми глотками.

Как можно давать советы, не видя матери и ребенка?

«Пять кормлений в сутки по десять минут» – это выхолощенная схема.

Весы могут стать безошибочным советчиком

21. Без весов нет техники грудного вскармливания. Все, что мы насовещуем без весов, будет игрой в жмурки.

Нет другого способа понять, высосал ли ребенок три ложки молока или десять, как только взвесить его.

А от этого зависит и как часто, и как долго ему нужно сосать, к одной груди прикладывать или к обеим.

Весы могут стать безошибочным советчиком, если они говорят нам то, что есть на самом деле, но могут стать и тираном, если мы захотим получить схему «нормального» роста ребенка.

Не дай бог поменять суеверный страх перед «зелеными какашками» на предрассудки об «идеальных кривых роста и веса».

Как взвешивать?

Стоит заметить: есть матери, растратившие сотни часов на гаммы и этюды, а труд познакомиться с весами они считают слишком обременительным. Взвешивать и до, и после кормления? Сколько хлопот! Есть и другие матери, которые не вниманием, а прямо-таки нежной любовью окружают весы, этого обожаемого домашнего врача.

Дешевые весы для младенцев, чтобы они добрались даже до хаты-мазанки, – вот наш общественный долг. Кто возьмется за такой труд?

Пусть живой организм сам выбирает

22. Почему так случается, что одно поколение детей вырастает под лозунгом: молоко, яйца, мясо, а другое получает каши, фрукты, овощи?

Можно было бы сказать: прогресс в области химии, исследования обмена веществ.

Нет, сущность этих тенденций коренится глубже.

Новая диета есть выражение доверия науки к живому организму, признания его воли.

Когда ребенку давали белки и жиры, то стремились подстегнуть развитие организма специально подобранной диетой, сегодня же мы даем ребенку все: пусть живой организм сам выбирает, что ему нужно, что принесет пользу, пусть распоряжается самостоятельно, в меру своих сил и возможностей, активов полученного здоровья, потенциальной энергии развития.

Не «что мы даем ребенку», а «что он усваивает». Потому всякое насилие и излишек – балласт; каждая крайность – возможная ошибка.

Даже поступая почти правильно, мы можем допустить некую ошибку, но повторяя ее последовательно, в течение нескольких месяцев, мы повредим ребенку или затормозим его развитие.

Когда, как и чем прикармливать?

Когда ребенку уже недостаточно полученного им литра грудного молока, его надо постепенно, прослеживая реакцию организма, начинать прикармливать всем – в зависимости от ребенка, от его реакции.

Следует отличать науку о здоровье от торговли здоровьем

23. А что же смеси?

Следует отличать науку о здоровье от торговли здоровьем. Жидкость для роста волос, зубной эликсир, пудра, омолаживающая кожу, смесь, облегчающая прорезывание зубов, – все это чаще всего позор для науки, но ни в коем случае не ее гордость, порывы или стремления.

Производитель обеспечит своей смесью и нормальный стул, и эффектный прирост веса у ребенка, то есть даст то, что радует мать и вкусно ребенку. Но смесь не даст тканям навыка усвоения и может избаловать их, не дать жизненных сил, подпитывая жир, снизит сопротивляемость инфекции.

Зато смесь всегда дискредитирует грудь, хоть и с оглядкой, исподволь, пробуждая сомнения, тихонечко подкапываясь, соблазняя и угождая слабостям толпы.

Кто-нибудь возразит: ученые с мировым именем признали смеси. Да ведь ученые тоже люди: среди них есть более и менее проникательные, осторожные и легкомысленные, люди порядочные и мошенники. Сколько есть генералов науки не от Бога, благодаря не талантам, а проискам, хитрости, богатству или по праву рождения. Наука требует дорогостоящих лабораторий, которые можно получить не только за истинные открытия, но и ценой угодливости, покорности и интриг.

Как-то раз довелось мне присутствовать на конференции, где бессовестная наглость воровала результаты двадцатилетнего добросовестного исследования. Я знаю открытие, сфабрикованное ради громкого международного съезда. Пищевая добавка, разрекламированная десятками «звезд», оказалась фальсификатом; был судебный процесс, скандал живо замяли.

Не в том суть, кто нахваливает смесь, а в том, кто не захотел ее нахваливать, невзирая на все манипуляции рекламных агентов. А они настаивают на своем. Миллионные предприятия – это серьезное влияние. Это сила, которой не каждый сможет противостоять.

Многое в этих главах – эхо моего бракоразводного процесса с медициной. Я видел отсутствие ухода и халтурную помощь. (Рядом с недооцененным Каменьским Брудзинский первым потребовал равноправия педиатрии и добился его.) На бедности и беспомощности стало нагло наживаться заграничное производство препаратов. Сегодня у нас есть уже пункты опеки, фабричные ясли, лагеря, курорты, школьный медицинский надзор, больничные кассы. В наши дни уже можно доверять питательным смесям и лекарствам; их задача – поддерживать, а не заменять гигиену и общественную опеку над ребенком.

Разве мы можем изолировать ребенка от воздуха?

24. У ребенка температура. Насморк.

Это не опасно? А когда он выздоровеет?

Наш ответ – результат рассуждений, основанных на том, что мы знаем и что сумели заметить.

Таким образом: сильный ребенок победит несущественную хворь за день-два. Если болезнь серьезнее, а ребенок послабее, недомогание может продлиться и неделю. Поживем – увидим.

Или, скажем, болезнь пустячная, но ребенок очень мал. У грудных детей насморк со слизистой носа часто переходит на горло, трахею, бронхи.

Посмотрим на ход событий.

Наконец: из ста аналогичных случаев девяносто заканчиваются скорым выздоровлением, в семи – недомогание затягивается, в трех – развивается серьезная болезнь, даже возможна смерть.

Предостережение: может, легкий насморк маскирует другую болезнь?

Но мать хочет получить уверенный ответ, а не предположения.

Диагноз можно дополнить исследованием выделений из носа, мочи, крови, спинномозговой жидкости, можно сделать рентгеновский снимок, вызвать специалистов. Тогда повысится процент достоверности в диагнозе и прогнозе, даже в ходе лечения. Но не будет ли этот плюс сведен к нулю вредом от многократных осмотров, присутствием множества врачей, из которых каждый может занести куда более страшную инфекцию на волосах, в складках одежды, дыхании?

Где ребенок мог простудиться?

Этого можно было избежать.

Но разве эта легкая болезнь не дает ребенку иммунитет против более серьезной, с которой он столкнется через неделю, через месяц? Разве она не улучшает защитный механизм: в центре терморегуляции мозга, в железах, в компонентах крови? Разве мы можем изолировать ребенка от воздуха, которым он дышит и в кубическом сантиметре которого содержатся тысячи бактерий?..

И не будет ли это новое столкновение между тем, чего мы хотели, и тем, чему вынуждены уступить, еще одной попыткой вооружить мать не знанием, а разумом, без которого она не сможет вырастить ребенка как следует?

В новорожденном воплощена некая четко определенная индивидуальность

25. Пока смерть косила рожениц, мало кто думал о новорожденном.

Его заметили, когда асептика и техника помощи в родах стали страховать жизнь матери. Пока смерть косила новорожденных, все внимание науки поневоле сосредоточивалось на бутылочках и пеленках. Может, близится время, когда мы начнем видеть в ребенке не только кусочек мяса, но четко увидим личность, жизнь и психическое развитие до года. Сделанное до сих пор – еще даже не начало работы.

Бесконечен ряд психологических вопросов и вопросов на границе между соматикой и психикой новорожденного.

Наполеон страдал «родимчиком». Бисмарк был рахитиком. И уж бесспорно, каждый пророк и преступник, герой и предатель, люди великие и ничтожные, атлеты и дохляки были младенцами, прежде чем стали зрелыми людьми. Если мы хотим исследовать мысли, чувства и стремления на стадии амебы, прежде чем они развились, дифференцировались и определились, мы должны обратиться к младенцу.

Только безграничные верхоглядство и невежество могут проглядеть, что в новорожденном воплощена некая четко определенная индивидуальность, складывающаяся из врожденного темперамента, силы, интеллекта, самочувствия, жизненных впечатлений.

Память прошлых переживаний

26. Сто новорожденных.

Я склоняюсь над кроваткой каждого. У кого-то счет жизни идет на недели, у других – на месяцы, они разного веса, и у их «кривых» разная история; больные, выздоравливающие, здоровые и едва держащиеся на плаву жизни.

Я встречаю разные взгляды. Есть погасшие, подернутые мглой, лишенные выражения; упрямые и болезненно сосредоточенные; есть живые, дружеские и задорные. И улыбки – приветливая, внезапная, дружеская, или улыбка после внимательного изучения, или улыбка-ответ на мою улыбку и ласковое слово, которым я бужу малыша.

То, что поначалу казалось мне случайностью, повторяется изо дня в день. Записываю, выделяю детей доверчивых и недоверчивых, уравновешенных и капризных, веселых и мрачных, нерешительных, запуганных и враждебных.

Всегда веселый ребенок: улыбается до и после кормления, разбуженный и сонный, приоткрывает глаза, улыбается и снова засыпает. Всегда мрачный: беспокойно, едва ли не плача, встречается со мной, за три недели улыбнулся мимолетно и только раз...

Осматриваю горло у детей. Протест живой, бурный, страстный. Или малыш только нехотя скривится, нетерпеливо тряхнет головой и уже радостно улыбается. Или подозрительная настороженность при каждом движении чужой руки, взрыв гнева, прежде чем до него дотронулись.

Массовые прививки оспы, по пятьдесят человек в час. Это уже эксперимент. Снова у одних реакция мгновенная и решительная, у других – постепенная и неуверенная, у третьих – равнодушие. Один ограничивается удивлением, другой беспокоится, третий бьет тревогу; один быстро приходит в себя, другой помнит долго, не прощает...

Кто-нибудь скажет: младенческий возраст. Верно, но только в известной мере. Есть быстрота ориентации, память прошлых переживаний. О, мы знаем детей, которые болезненно пережили знакомство с хирургом, знаем, что бывают дети, которые не хотят пить молоко, потому что им давали белую эмульсию с камфарой.

Но разве психический облик зрелого человека складывается из чего-то другого?

Хорошее самочувствие

27. Один младенец.

Он родился, уже смирившись с холодным воздухом, жесткой пеленкой, неприятными звуками, работой сосания. Сосет трудолюбиво, расчетливо и смело. Уже улыбается, уже лепечет, уже владеет руками. Растет, исследует, совершенствуется, ползает, ходит, лепечет, говорит. Как и когда он всего этого достиг?

Спокойное, безоблачное развитие...

Второй младенец.

Прошла неделя, прежде чем он научился сосать. Пара беспокойных ночей. Неделя без забот, однодневная буря. Развитие несколько замедленное, зубы режутся мучительно. Вообще-то по-разному бывало, теперь уже все в порядке, спокойный, милый, радостный.

Может, врожденный флегматик, недостаточно взвешенный уход, недостаточно разработанная грудь – в целом счастливое развитие...

Третий младенец.

Порывистый и бурный. Веселый, легко возбуждается, задетый неприятным впечатлением извне или изнутри, сражается отчаянно, не жалея энергии. Движения живые, резкие перемены, сегодня не такой, как вчера. Что-то осваивает – и тут же забывает. Развитие идет по ломаной кривой, со взлетами и падениями. Неожиданности от самых приятных до внешне страшных. Тут никак не скажешь: наконец-то.

Вспыльчив, раздражителен, капризен, может вырасти очень ценным человеком...

Четвертый новорожденный.

Если сосчитать солнечные и пасмурные дни, первых будет немного. Основной фон – недовольство. Нет боли – есть неприятные ощущения, нет крика – есть беспокойство. Все бы хорошо, если бы... Все и всегда с оговорками.

Это ребенок с изъяном, неразумно воспитанный.

Температура в комнате, лишние сто граммов молока, недобор ста граммов воды – это не только гигиеническое, но и воспитательное воздействие. Младенец, которому предстоит столько исследовать и узнать, освоить, полюбить и возненавидеть, разумно защищать и требовать, должен иметь хорошее самочувствие, независимо от врожденного темперамента, быстрого или вялого интеллекта.

Вместо навязанного нам неологизма «сосунок» я пользуюсь старинным словом «младенец». Греки говорили – *perios*, римляне – *infans*. Если уж польский язык так захотел, зачем было переводить некрасивое немецкое *Säugling*? Нельзя категорично хозяйничать в словаре старых и существенно важных слов.

Мы играем, а он – изучает

28. Зрение. Свет и темнота, ночь и день. Сон – творится нечто очень смутное, бодрствование – происходит нечто более ясное, что-то хорошее (грудь) или плохое (боль). Новорожденный смотрит на лампу. Нет, не смотрит: глазные яблоки расходятся и сходятся. Позже, водя глазами за медленно передвигаемым предметом, он то и дело замечает его и теряет.

Контуры пятен, абрис первых линий, и все это без перспективы. Мать на расстоянии в метр уже другое пятно, чем когда она наклоняется над тобой. Лицо и профиль как лунный серп, при взгляде снизу, когда лежишь на коленях, – только подбородок и губы; лицо то же, но с глазами, когда мать склонится ниже, или даже видны волосы. А слух и обоняние утверждают, что все это одно и то же.

Грудь – светлое облако, вкус, запах, тепло, благо. Младенец выпускает грудь и смотрит, изучает глазами это странное нечто, которое постоянно появляется над грудью, откуда плывут звуки и дует теплый поток дыхания. Младенец не знает, что грудь, лицо, руки составляют одно целое – мать.

Кто-то чужой протягивает к нему руки. Обманутый знакомым движением, образом, он охотно идет к нему. И лишь тогда замечает ошибку. На этот раз руки отдаляют его от знакомой тени, приближают к незнакомому, вызывающему страх. Резким движением ребенок поворачивается к матери, смотрит на нее или прячется под ее рукой, чтобы избежать опасности.

Наконец лицо матери, исследованное руками, перестает быть тенью. Младенец множество раз хватался за нос, трогал странный глаз, который то блестит, то снова темнеет под прикрытием века, изучал волосы.

А кто не видел, как ребенок оттягивает губы, разглядывает зубы, заглядывает в рот, внимательный, серьезный, нахмутив лоб. Правда, ему мешает в этом пустая болтовня, поцелуи, шутки – то, что мы называем «игрой» с ребенком.

Мы играем, а он – изучает. В ходе исследований у него уже появились непреложные понятия, гипотезы и загадки.

Младенец мыслит

29. Слух. От шума улицы за оконными стеклами, далеких отголосков, тиканья часов, разговоров и стуков, вплоть до шепота и слов, обращенные прямо к ребенку, – все это создает хаос раздражителей, которые ребенок должен разложить по полочкам и понять.

Сюда же нужно добавить звуки, которые издает сам новорожденный, – крик, лепет, возгласы. Прежде чем он поймет, что это он сам, а не кто-то иной, невидимый, гулит и кричит, проходит много времени. Когда он лежит и говорит свое «абб, аба, ада», он слушает и исследует ощущения, которые познает, двигая губами, языком, гортанью. Не зная себя, он убеждается лишь в произвольности создания этих звуков.

Когда я обращаюсь к младенцу на его собственном языке: «аба, абб, адда», он удивленно приглядывается ко мне, непонятному существу, издающему хорошо знакомые ему звуки.

Если бы мы глубже вдумались в суть сознания новорожденного, то нашли бы в нем гораздо больше, чем думаем, только не то и не так, как нам кажется. «Бедная лапочка, бедный малыш, голодный, питеньки хочет, хочет ням-ням...»

Младенец прекрасно все понимает, он ждет, когда кормилица расстегнет лифчик, положит ему платочек под подбородок, выражает нетерпение, когда запаздывает главное ощущение, которого он ждет. А ведь всю эту длинную тираду мать произнесла себе, а не ребенку. Он скорей усвоил бы те звуки, какими хозяйка подзывает домашнюю птицу: «цып-цып-цып, гись-гись-гись».

Младенец мыслит ожиданием приятных впечатлений и страхом перед неприятными; то, что он мыслит не только образами, но и звуками, можно понять хотя бы по тому, насколько крик заразителен: крик предвещает отчаяние, или: крик автоматически приводит в действие аппарат, выражающий недовольство. Присмотритесь внимательно к младенцу, когда он слушает плач другого ребенка.

Крик и сосание

30. Младенец упорно стремится к овладению внешним миром: он жаждет победить окружающие его злые враждебные силы, поставить на службу своему благополучию добрых духов-защитников.

У младенца есть два заклинания, которыми он пользуется, пока не освоит третье, чудесное орудие воли: собственные руки. Эти два заклинания – крик и сосание.

Если сперва младенец кричит, потому что ему что-то докучает, то очень скоро он учится кричать, чтобы ему ничто не докучало. Оставленный один, он плачет, но успокаивается, когда слышит шаги матери, хочет сосать грудь – плачет, но перестает плакать, завидев приготовления к кормлению.

Он правит в объеме имеющихся у него знаний (а их у него мало) и находящихся в его распоряжении средств (они столь незначительны). Он совершает ошибки, обобщая отдельные явления и связывая два последовательно случающихся явления как причину и следствие – *post hoc, ergo propter hoc*⁶.

Разве источник внимания и симпатии, которые он питает к своим ботиночкам, не в том, что им он приписывает свое умение ходить? Точно так же пальтишко становится тем волшебным ковром из сказки, который переносит его в мир диких – на прогулку.

У меня есть право выдвигать подобные предположения. Если историк имеет право домысливать, что хотел сказать Шекспир, создавая Гамлета, педагог обладает правом делать даже ошибочные предположения, которые, при отсутствии других, дают все-таки практические результаты.

Итак.

В комнате душно. У младенца сухие губы, слюна густая, ее мало, малыш капризничает. Молоко – это еда, а ему хочется пить, ему надо дать воды. Но ребенок «не желает пить»: вертит головой, выбивает из рук ложку. Пить-то он хочет, только пока не умеет. Чувствуя на губах вожделенную жидкость, он мотает головой, ищет сосок. Левой рукой я придерживаю его за голову, ложку прикладываю к верхней губе. Он не пьет, а сосет воду, сосет жадно, выпил пять ложек и спокойно засыпает. Если я неловко подам ему воду из ложки раз-другой, он поперхнется, захлебнется, переживет неприятное ощущение. Вот тогда он и вправду не захочет пить с ложки.

Второй пример.

Младенец постоянно капризничает, вечно недоволен, успокаивается у груди, во время пеленания, купания, когда его перекалывают в другое положение. Этого малыша мучает зудящая сыпь. Мне говорят, что сыпи нет. Наверняка будет. И через два месяца она проявляется.

Третий пример.

Новорожденный сосет пальцы; когда ему что-то докучает, всякие неприятные ощущения, в том числе и беспокойство нетерпеливого ожидания, он хочет унять благотворным, хорошо знакомым ему сосанием. Он сосет кулачок, когда голоден, когда хочет пить, когда он перекормлен и чувствует неприятное послевкусие во рту, когда что-то болит, когда он перегрелся, когда зудят кожа или десны. Откуда это пошло, что доктор обещает скорое прорезывание зубов, что младенец явно испытывает неприятные ощущения в челюсти или деснах, а зубы еще многие недели не показываются? Может быть, прорезающийся зуб раздражает мелкие веточки нерва, еще находясь в челюсти? Добавлю, что теленок, когда у него растут рога, страдает точно так же.

⁶ После этого, а значит, вследствие этого (*лат.*) – философская формула, описывающая ошибочные выводы о том, что из двух следующих друг за другом событий более раннее обязательно является причиной более позднего.

Тут такой путь: инстинкт сосания – сосание, чтобы не было страдания; сосание как наслаждение или плохая привычка.

Это ученый в лаборатории

31. Повторяю: основным тоном, сутью психической жизни младенца является стремление овладеть неведомыми стихиями, тайной окружающего его мира, откуда проистекает добро и зло. Желая овладеть, он стремится познать.

Повторяю: хорошее самочувствие облегчает объективное исследование, все неприятные ощущения, исходящие из глубины его организма, то есть в первую очередь боль, затмевают зыбкое сознание. Чтобы в этом убедиться, нужно пронаблюдать младенца в здравии, в страдании и болезни.

Чувствуя боль, младенец не только кричит, но и слышит крик, чувствует этот крик в горле, видит его сквозь прищуренные веки в неясных картинках. Все это сильно, грозно, непонятно. Он должен хорошо запомнить эти минуты, бояться их; еще не зная себя, он связывает их со случайными картинками. Здесь, скорее всего, и есть источник непонятных симпатий, антипатий, страхов и причуд младенца.

Исследования развития интеллекта младенца невероятно трудны, потому что ребенок многократно что-то узнает и снова забывает; это развитие с постоянным «шаг вперед – шаг назад». Возможно, нестабильность его самочувствия играет в этом важную, может, даже важнейшую роль.

Новорожденный исследует свои руки. Выпрямляет их, водит ими вправо и влево, удаляет от глаз, приближает к глазам, растопыривает пальцы, стискивает кулачки, разговаривает с ними и ждет ответа, правой рукой хватается левую и тянет ее, берет погремушку и смотрит на странно изменившийся образ руки, перекладывает погремушку из одной руки в другую, изучает ее губами, тут же вынимает и снова смотрит – неспешно, внимательно. Бросает погремушку, тянет за пуговицу на одеяле, исследует причину встреченного сопротивления. Он не играет, есть у вас глаза или нет, черт побери? Обратите внимание на усилия его воли, чтобы его понять. Это ученый в лаборатории, погруженный в чрезвычайно важную задачу, ускользающую от его понимания.

Младенец навязывает свою волю криком. Позже – мимикой лица и движениями рук, наконец – речью.

Конфликт двух потребностей

32. Раннее утро, часов, скажем, пять. Малыш проснулся, улыбается, лепечет, водит руками, садится, встает. А матери хочется поспать еще.

Конфликт двух желаний, двух потребностей, двух столкнувшихся эгоизмов – третья фаза одного процесса: мать страдает, а ребенок рождается к жизни, матери надо отдохнуть после родов – а ребенок требует еды, мать хочет спать – ребенок желает бодрствовать. Таких минут будет длинная вереница. Это не мелочь, а основополагающая проблема; имей же мужество признаться себе в собственных чувствах и, отдавая его в руки платной няньки, скажи себе: «Не хочу!», даже если врач сказал тебе, что ты не можешь, а он всегда именно так и скажет, еще на лестнице, порой еще со двора.

Бывает и так: мать отдает ребенку свой сон, но взамен требует платы: ласкает, целует, прижимает к себе теплое, розовое, шелковистое существо. Берегись: это сомнительный акт экзальтированной чувственности, скрытый и затаившийся в любви материнского тела, а не сердца. И если ребенок будет охотно обниматься, прижиматься к тебе, разбурившись от сотни поцелуев, со сверкающими от радости глазами, знай, что твой эротизм нашел в нем отклик.

Значит, надо отказаться от поцелуев? Я не могу этого требовать, признавая поцелуй в разумных дозах ценным воспитательным фактором. Поцелуй утишает боль, смягчает резкие слова укора, пробуждает раскаяние, награждает за труды; он – символ любви, как крест – символ веры, и действует именно так. Я говорю, что он – символ, а не то, что он должен быть символом любви. А впрочем, если эта странная жажда прижимать ребенка к себе, гладить, вдыхать его запах, вбирать его в себя не кажется тебе сомнительной, поступай, как хочешь. Я ничего не запрещаю и не приказываю.

Кто вы, чудесная тайна, что несете?

33. Когда я смотрю на младенца, который открывает и закрывает коробочку, кладет и вынимает камешек, трясет коробку и вслушивается; как годовалый ребенок толкает стульчик, пригибаясь под его тяжестью на неверных ногах; как двухлетний, которому говорят, что корова – «му-у», добавляет: «Ада-му-у», а Ада – это собака, он делает те самые логичные языковые ошибки, которые нужно записывать и публиковать

Когда средихлама школяра я нахожу гвозди, шнурки, обрывки, стеклышки, потому что это все может «пригодиться» для сотни дел; когда он соперничает с другими, кто дальше «скаканет»; когда трудится, возится, организует общую игру; спрашивает: «А вот когда я думаю про дерево, у меня что, в голове малюсенькое деревце?»; когда он дает нищему не два гроша на счастье, чтобы получить хорошую отметку, а все свое сокровище – двадцать грошей, потому что дед такой старый и бедный и скоро умрет.

Когда подросток слюнявит челку, потому что должна прийти одноклассница сестры; когда девочка пишет мне в письме, что мир – подлый, а люди – звери, но не объясняет, почему; когда юноша гордо бросает свою бунтарскую, но такую уже заезженную и прогорклую мысль, как вызов...

О, я целую этих детей взглядом, мыслью, вопросом: кто вы, чудесная тайна, что несете? Целую их всей силой воли: чем я могу вам помочь? Целую их, как астроном целует звезду, которая была, есть и будет. Поцелуй этот равен экстазу ученого и смиренной молитве, но не познает его волшебство тот, кто в поисках свободы потерял в суете Бога.

Он понимает язык не слов, а мимики и интонаций

34. Ребенок еще не заговорил. Когда он заговорит? Действительно, речь – это показатель развития ребенка, но он не является ни единственным, ни самым важным. Нетерпеливое ожидание первого слова – это ошибка, доказательство воспитательной незрелости родителей.

Когда новорожденный в ванночке вздрагивает и машет руками, теряя равновесие, он тем самым говорит: «Боюсь!», и необыкновенно интересно наблюдать этот рефлекс страха у существа, столь далекого от понимания опасности. Когда ты даешь ему грудь, а он не берет, он говорит: «Не хочу». Вот он протягивает руку к понравившемуся предмету: «Дай!» Искривленным в плаче ротиком защитным движением он говорит незнакомому: «Я тебе не доверяю!» – а иной раз спрашивает мать: «Можно ему доверять?»

Что есть испытующий взгляд ребенка, как не вопрос «Что это?» Вот он тянется к чему-то, с большим трудом достает, глубоко вздыхает – и этим вздохом облегчения говорит: «Ну, наконец-то!» Попробуй отобрать у него взятое – десятком нюансов он скажет: «Не отдам». Вот он поднимает голову, садится, встает: «Я действую!», и что есть улыбка губ и глаз, как не признание: «О, как же мне хорошо жить на свете!»

Языком мимики он говорит, языком образов и добросовестных воспоминаний – мыслит.

Когда мать надевает на него пальтецо, он радуется, всем телом поворачивается к двери, в своем нетерпении торопит мать. Он мыслит образами прогулки и воспоминанием ощущений, пережитых на прогулке. Младенец дарит врачу свою дружбу, но, видя в его руке ложку, моментально признает в нем врага.

Он понимает язык не слов, а мимики и интонаций.

– Где у тебя носик?

Не понимая ни одного из трех слов в отдельности, он по голосу, движениям губ и выражению лица понимает, какого от него ждут ответа.

Не умея говорить, младенец умеет вести очень сложную беседу.

– Не трогай, – говорит мать.

Он, невзирая на это, тянется к запретному предмету, прелестно наклоняет головку, улыбается, выжидает, не повторит ли мать свой запрет построже, или, обезоруженная его изощренным кокетством, уступит и позволит взять запретное.

Еще не произнеся ни слова, он уже врет, бесстыдно врет. Желая освободиться от неприятного человека, он подает условный знак, сигнал тревоги и, восседая на известной посуде, победно и ехидно поглядывает на свое окружение.

Попробуй над ним пошутить, то протягивая, то отдергивая предмет, который он требует, – малыш не рассердится и только изредка обидится.

Младенец без слов умеет быть деспотом, настойчиво добиваться своего, тиранить.

В каждом новом движении похож на пианиста

35. Очень часто на вопрос врача, когда ребенок заговорил или пошел, сконфуженная мать робко дает приблизительный ответ:

– Рано, поздно, нормально.

Ей кажется, что она обязана назвать точную дату такого важного события, что малейшая неточность очернит ее в глазах врача; я говорю об этом, чтобы показать, сколь непопулярно среди людей понимание того, что даже точное научное наблюдение с большим трудом может начертить приблизительную кривую развития ребенка, и сколь распространено школярское стремление скрыть свое невежество.

Как отличить, когда младенец вместо «ам», «ан» и «ама» впервые сказал «мама», вместо «абба» – «баба»? Как определить дату, когда слово «мама» уже точно связывается в сознании ребенка именно с образом матери, а не кого-то другого?

Младенец подскакивает на коленях, стоит при поддержке или самостоятельно, опираясь на край кровати, минуту стоит без чужой помощи, сделал два шага по полу и множество шагов – в воздухе, передвигается, ползает, двигает перед собой стул, не теряя равновесия, начинает ходить на четверть, на половинку, на три четверти... и наконец – пошел.

И тут – вот вчера ходил, целую неделю ходил и вдруг снова разучился. Немного устал, потерял вдохновение. Упал, испугался, две недели перерыв в хождении.

Головка, бессильно упавшая на материнское плечо, – это свидетельство не тяжелой болезни, а любого недомогания.

Ребенок в каждом новом движении похож на пианиста, которому необходимо хорошее самочувствие, полное равновесие, чтобы с успехом исполнить трудную композицию; даже исключения из этого правила схожи между собой.

Иногда случается: ребенок «уже заболел, но не сдавался, даже, может, больше обычного ходил, играл, болтал»; и тут – самообвинение: «Вот я и подумала, что мне только кажется, будто он заболел, и пошла с ним гулять», и самооправдание: «Погода была такая хорошая!», и вопрос: «А это могло ему навредить?»

Что такое живой организм и что ему нужно

36. Когда ребенок должен начать ходить и говорить? – Когда он стал ходить и говорить. Когда должны резаться зубы? – Именно тогда, когда режутся.

И темечко должно зарастать именно тогда, когда оно зарастает. И спать младенец должен столько, сколько ему нужно, чтобы выспаться.

Но ведь мы еще и знаем, когда это обычно происходит. В любой популярной брошюре переписаны из учебников эти мелкие истины для детей вообще, но вранье – для конкретного ребенка.

Потому как есть новорожденные, которым требуется больше сна и меньше; бывают ранние зубы, гнилые уже в момент прорезывания, и поздние здоровые зубы здоровых детей; темечко у здоровых детей зарастает и на девятом, и на четырнадцатом месяце жизни, балбесы нередко начинают болтать раньше, умные иногда долго не говорят.

Номера пролетов, ряды мест в театре, срок уплаты за квартиру – всему, что выдумали люди для порядка, можно следовать; но тому, кто умом, воспитанным на полицейских предписаниях, захочет объять живую книгу природы, тому на макушку немедля свалится все бремя тревог, разочарований и неожиданностей.

Я ставлю себе в заслугу, что не ответил на приведенные выше вопросы вереницей цифр, которые назвал мелкими истинами. Ведь не то важно, какие зубы режутся сначала – нижние или верхние, резцы или клыки; это в состоянии заметить каждый, у кого есть календарь и глаза; но вот что такое живой организм и что ему нужно – это и есть большая истина, которая пока только еще в процессе исследования.

Даже добросовестным врачам приходится держать про запас две манеры поведения: для разумных родителей они естествоиспытатели, имеющие право на сомнения и предположения, трудные задачи и интересные вопросы; для неразумных они – сухие гувернеры: от сих до сих, и отметка ногтем на букваре: «По чайной ложке через каждые два часа. Яичко, полстакана молока и два печенья».

Право ребенка быть тем, что он есть

37. Внимание! Или мы сейчас договоримся, или навсегда разойдемся.

Каждая мысль, жаждущая ускользнуть и спрятаться, каждое слоняющееся само по себе чувство должны быть усилием воли призваны к порядку и расставлены в послушном военном строю.

Я взываю о *Magna Charta Libertatum*⁷, о правах ребенка. Может, их больше, но я нашел три главных.

1. Право ребенка на смерть.
2. Право ребенка на сегодняшний день.
3. Право ребенка быть тем, что он есть.

Надо понять их, чтобы, наделяя этими правами, совершить как можно меньше ошибок. Ошибки должны быть. Не бойтесь: ребенок сам с поразительной проницательностью исправит их, только бы не ослабить в нем этой ценной способности, мощной защитной силы.

Мы дали ему слишком много еды или что-то нехорошее: слишком много молока, несвежее яйцо – его стошнило. Дали ему неудобоваримую информацию – он не понял, дурацкий совет – а он его не переварил, не послушался. Это не пустая фраза, когда я говорю: счастье для человечества, что мы не можем принудить детей поддаваться воспитательским влияниям и дидактическим покушениям на их здравый смысл и здоровую человеческую волю.

Во мне еще не сформировалось и не утвердилось понимание того, что первое бесспорное право ребенка есть право высказывать свои мысли, деятельно участвовать в наших рассуждениях и выводах о нем. Когда мы дорастем до уважения и доверия, когда он сам доверится нам и скажет, в чем именно заключаются его права, – меньше станет и загадок, и ошибок.

⁷ Великая хартия вольностей, политико-правовой документ, составленный в июне 1215 года на основе требований английской знати к королю Иоанну Безземельному; защищал ряд юридических прав и привилегий свободного населения средневековой Англии.

Свобода и вольность

38. Горячая, разумная, уравновешенная любовь матери к ребенку должна дать ему право на преждевременную смерть, на окончание жизненного цикла не за шестьдесят оборотов Солнца вокруг Земли, а всего за одну или три весны.

Жестокое требование для тех, кто не хочет нести трудов и издержек родов более двух-трех раз.

«Бог дал – Бог взял», – говорит народ-естествознатель, которому ведомо, что не всякое зерно дает колос, не всякий птенец жизнеспособен, не всякий саженец вырастает в дерево.

Есть расхожее мнение, что чем выше смертность среди детей пролетариата, тем более сильное поколение остается жить и вырастает. Нет, это не так: плохие условия, убивающие слабых, ослабляют сильных и здоровых. В то же время мне кажется справедливым, что чем больше мать из состоятельных слоев общества боится мысли о возможной смерти ее ребенка, тем меньше у него возможности хотя бы физически более или менее удачно развиваться и стать более или менее самостоятельным духовно человеком. Всякий раз, когда в комнате, выкрашенной белой масляной краской, среди белой лакированной мебели я вижу белого ребенка в белом платице с белыми игрушками, мне делается не по себе: в этой комнате – не детской, а операционной – должна вырасти бескровная душа в анемичном теле. «В этом белом салоне с электрической лампочкой в каждом углу можно заработать эпилепсию», – говорит Клодина⁸.

Может, более подробные исследования покажут, что перекармливание нервов и тканей светом так же вредно, как недостаток света в темном подвале.

У нас есть два выражения: свобода и вольность. Свобода, думается, означает владение: я располагаю собой, я свободен. В вольности же мы располагаем своей волей, то есть действием, родившимся из стремления. Наша детская комната с симметрично расставленной мебелью, наши вылизанные городские сады – не та территория, где может проявить себя свобода, не та мастерская, где нашла бы свое выражение деятельная воля ребенка.

Комната маленького ребенка родилась из акушерской клиники, а той диктовала свои предписания бактериология. Следите, чтобы, уберегая ребенка от бактерии дифтерита, не перенести его в атмосферу, насыщенную затхлостью скуки и безволия. Сегодня нет духоты от сохнувших пеленок, зато есть дух йодоформа.

Очень много перемен. Уже не только белый лак мебели, но есть и пляжи, экскурсии, спорт, скаутское движение. Тоже всего-навсего начало. Чуть больше свободы, но жизнь ребенка все еще пригашена и придушена.

⁸ Героиня романа С. Г. Колетт «Клодина в Париже».

Она еще грудь сосет, а я уже гадаю: каково ей будет рожать

39. «У-тю-тюсеньки, бедный мой котенька, покажи, где бо-бо?»

Ребенок с трудом отыскивает еле заметные следы бывших царапин, показывает место, где был бы синяк, ударясь он сильнее, достигает истинного мастерства в отыскании прыщиков, пятнышек и шрамиков.

Если каждому «бо-бо» сопутствуют тон, жест и мимика бессильной покорности, безнадежного смирения, то «фу, бяка, плохо!» сочетается с проявлениями отвращения и ненависти. Нужно видеть, как держит грудной малыш ручки, вымазанные шоколадом, видеть все его отвращение и беспомощность, пока мама не вытрет батистовым платочком, чтобы задать вопрос: «А не лучше ли было бы, чтобы ребенок, ударившись лбом о стул, давал ему затрепину, а во время мытья, с глазами, полными мыла, плевался бы и толкал няньку?»

Дверь – прищемит палец, окно – высунется и вывалится, косточка – подавится, стул – опрокинет на себя, нож – поранится, палочка – глаз выколет, коробочку с земли поднял – заразится, спички – пожар, горим!

«Руку сломаешь, машина задавит, собака укусит. Не ешь слив, не пей воды, не ходи босиком, не бегай по солнцу, застегни пальто, завяжи шарф. Вот видишь, не послушался меня... Погляди: хромой, погляди: слепой. Караул, кровь! Кто тебе дал ножницы?»

Ушиб оказывается не синяком, а страхом перед менингитом, рвота – не несварением желудка, а ужасом перед скарлатиной. Везде полно ловушек и опасностей, все грозное и злое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.